891.73
P8472
Ot

САВВАТІЙ

ТАНЬКА

OAK ST. HDSF

Рисунокъ обложки
АЛЕКСАНДРА АРНШТАМА

Всѣ права сохранены за авторомъ

Типографія Отто Штольбергъ и Ко., Berlin W 35, Potsdamer Straße 45

САВВАТІЙ

ТАНЬКА

РОМАНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ОГОНЬКИ“
БЕРЛИНЪ
1923

891.73
P8472
Ot

Пряменькій, тоненькій, въ морозномъ воздухѣ утра поднялся первый дымокъ на селѣ. Мгла еще окружала жилье. Ометъ возлѣ дороги казался церковью въ туманѣ, а корявый стволъ — человѣкомъ, согбеннымъ, таинственнымъ.

Ночь отлетаетъ: свита ея торопливо рыщетъ по угламъ.

Тихо по ночному, по морозному.

А въ концѣ края, за степью открылась алая трещина, и, какъ далекій лучъ лампады, едва прорѣдѣло тьму.

Небо ждетъ.

На селѣ скрипнули ворота, ведро задребезжало на веревкѣ все глуше, глуше, въ глубину колодца. Кони зафыркали.

И вдругъ прокричалъ голосистый пѣтухъ, и пошли и пошли перекликаться.

Тогда приподнялось небо, и по нему пролилась кровь; забрызгала снѣжную степь, село и ветлы, сѣдыя, кудрявыя, толпой склоненныя у плотины.

Насталъ краткій праздникъ утра, алый, золотой, переливчатый. Снѣга одѣлись въ парчу; въ прогалинахъ тѣни синѣли сапфирами.

Высоко кружатся дымки надъ жильемъ.

— Терентьевна, слышь! Старостиха сызнова оборотнемъ въ ночь по плотинѣ сновала.

— Ой, врешь!..

Бабы въ валеныхъ на босу ногу сапогахъ выскочили языки чесать. Таковъ бабій нравъ: еще печь не топлена, а разговоры ужъ завелись чередой.

— Право слово, обернулась. Петруха со станціи ворочался, у плотины подъ мѣсяцъ въѣхалъ, и конь шарахнулся.

— Ну?

— Ей Богу. Глядитъ: собака огромная, а лицо у ей Настасьино.

— Охъ, непутевая душа.

Бабы качали головами.

И вдругъ залились трезвономъ колокола, все младшіе, все мелкіе, трелью и перезвонами; заполонили просторъ; стаей пронеслися звуки и замерли гдѣ-то, — какъ сѣли. А на ихъ мѣсто воздухъ огласился звучнымъ, тихимъ благовѣстомъ, и снѣгъ и даль запѣли вмѣстѣ съ нимъ.

Наступалъ воскресный день, звонили къ ранней обѣднѣ.

И подъ свѣтлыми лучами спокойнаго всплывшаго солнца, скрипя сапогами, со всѣхъ концовъ села потянулись мужики въ Божій Храмъ, — пошли, пошли, отъ каждой избы по одному, по два, по нѣсколько, и женщины за ними, поодаль, съ женщинами, голосистыя, словоохотливыя.

Лавки по «улицѣ», въ серединѣ села, неподалеку отъ церкви, а Танька жила на «Завертышахъ», въ другомъ концѣ, за поворотомъ, у самой плотины.

Танька ради воскресенья получила пятакъ. Ей велѣно присмотрѣть за щами въ печи да за сестренкой въ люлькѣ, но, пока отецъ съ матерью въ церкви, накинувъ громадный платокъ, она стрѣлой несется къ лавкамъ.

У косогора Танька остановилась и глядитъ кверху. Высоко на пригоркѣ, готовый къ раскату, на ледяныхъ салазкахъ сидѣлъ Ванька. Видъ его побѣдный, носъ приподнятъ по вѣтру, лохмы изъ подъ шапки желтыя и жесткія, щеки кумачевыя.

— Берегись, — пронзительно, съ присвистомъ крикнулъ Ванька и безудержно понесся внизъ на ледяшкѣ.

Танька заглядѣлась, обомлѣла и не успѣла отскочить. Салазки задѣли, она шлепнулась плашмя и разбила носъ. Пятачокъ выскользнулъ изъ рукъ и звонко ударился въ ледъ. Танька реветъ что есть мочи.

На снѣгу алѣетъ Танькина кровь.

Ванька спрашиваетъ:

— Носъ расшибла?

— Бо-ольно, — реветъ она.

— А пятакъ твой?

— Мой...

Ванька поднялъ пятакъ и положилъ въ карманъ.

— Отдай пятакъ...

— Не реви. Иди, прокачу.

Онъ ее взялъ за руку и потащилъ на косогоръ.

Танька испытала первое въ жизни наслажденіе. Впереди Ваньки, на блистающей ледяшкѣ, она волшебной силою пролетѣла съ косогора внизъ и дальше, дальше по широкой улицѣ, мимо амбаровъ, обросшихъ сверкающими ледяными сосульками.

Танька улыбается, растягивая ротъ.

На обратномъ пути онъ отломилъ сосульку.

— Возьми, она сладкая... Приходи да смотри: пятаки припасай ...

Танька пошла не торопясь; она полна блаженной тревоги. До боли въ зубахъ грызетъ холодную сосульку. Сладко ли ей? Сладко. А почему, — она не знаетъ.

Не привелось больше Танькѣ кататься съ ледяной горы. Безъ подарка она идти не смѣла, а пятачки на улицѣ не валяются. Однажды стянула у матери маслянистый ржаной коржъ, шмыгнула въ сѣни и побѣжала, да на дорогѣ ее отецъ поймалъ и больно отлупилъ.

А тамъ подтаялъ ледъ, косогоръ побурѣлъ, рыхлый сталъ; пошли таять снѣга. Убѣжала мокрохвостая, пьяная масленая, и поплыли тихо, въ весеннихъ туманахъ, одна за другой недѣли великаго поста. На Вербной одряхлѣвшая зима тронулась поспѣшно въ путь; бурливые ручьи погнали старую дуру, вѣтры ее по ногамъ ударили. солнце ей сердце растопило, и вся она разлилась горючими слезами.

Село стояло какъ вымытое. И такой поднялся тихій шумъ и гамъ на крышахъ, по гумнамъ, вокругъ колокольни, что люди другъ друга слышать перестали. Грачи и галки прилетѣли; взвивался жаворонокъ; и всякая мелкая пташечка бисеромъ нанизалась по проволокѣ, по прутикамъ, по плетнямъ.

Въ глубинѣ лазури спокойно плыли вереницы дикихъ гусей, и, обгоняя ихъ, могучій, острый уголъ журавлей несся легко и быстро.

Изъ лужи въ лужу бѣжали искристые ручьи, вздулась рѣчка и унесла мостъ. У балки прорвало плотину. Танька съ утра выбѣгала «поглядѣть» и глядѣла съ жадностью на бунтующія воды.

Темная радость вкрадывалась въ дѣтскую душу. Танькѣ хотѣлось прыгнуть въ водоворотъ. Она дрожала отъ упоенія, когда бревно, задѣвая боками, швыряясь отъ берега къ берегу, крутилось вдругъ какъ щепка на серединѣ водъ и съ грохотомъ неслось внизъ въ прорванную плотину, по оврагу, прямо въ объятія рѣки.

Страстная наступила жидкая. Черная земля размокла, улица во всю свою ширину расплылась въ густую и липкую грязь. Избы будто плаваютъ. Во дворахъ грязь, и мужикъ, закативъ портки по колѣна, топнетъ вмѣстѣ съ лошадью.

У колодца женщины собираются словомъ перекинуться, безстрашно шлепая босикомъ по грязи, проваливаясь со смѣхомъ и криками.

Болтовня постная, сплетни больше насчетъ покражи или про бѣдную невѣсту, что на Красную Горку берутъ въ богатый домъ: — «не можетъ того быть, чтобъ спроста»...

Что касается «грѣшнаго» — на этой недѣлѣ ни-ни. Какъ баба съ мужемъ до понедѣльника на Святой спать не можетъ, такъ и въ рѣчахъ себя соблюдаютъ.

У дѣвокъ съ молодежью никакой промежъ себя смѣхоты.

Въ домахъ уборка: лавки и столы выскаблены, занавѣски выстираны, начищенъ самоваръ.

Въ пятницу на селѣ базаръ. Базаръ, да еще въ страстную пятницу, это ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Здѣсь веселится душа, и все ей вторитъ: и яркое обмытое небо, по которому легко плывутъ растрепанныя облака, и свѣжій вѣтеръ, и сладкій запахъ липкихъ почекъ тополя.

Танька увязалась съ отцомъ. Лукьянъ понесъ двухъ поросятъ продавать. Ноги у нихъ связаны, несетъ онъ ихъ внизъ головами; поросята визжатъ, и Танька отъ переполненной восторгомъ души, попрыгивая по грязи, тоже визжитъ.

На площади первымъ дѣломъ Танька видитъ баранки; лоснистыя, румяныя, онѣ большими связками висятъ въ дверяхъ по лавкамъ, на телѣгахъ, у мужиковъ на спинѣ, на рукахъ у женщинъ, — всюду баранки.

Подъ синимъ небомъ народъ въ красныхъ полушубкахъ, а надъ народомъ смѣшно торчитъ бѣ-

лая церковная колокольня. Какъ будто весь базаръ слѣзъ съ картинки въ книжкѣ про Иванушку, что Танька видѣла у крестной матери на барскомъ дворѣ.

Тамъ царевичъ на волкѣ скачетъ и дѣвицу передъ собой везетъ, и какъ прискакалъ къ царскимъ палатамъ, тутъ и показано: на площади народъ гудитъ, и все точно такъ ярко, какъ нынче.

По лоткамъ горками наложены крашеныя яйца, красныя и синія и желтыя. Пряники и кони пряничные, покрытые глазурью. А тамъ куличи на возу навалены, и въ каждый воткнутъ бумажный цвѣтокъ. У лавки, въ рядъ, на особомъ мѣстѣ развѣшаны сахарныя яички, розовыя и голубенькія, съ Христосикомъ и съ ангелочками.

На землѣ разостлана клеенка, и на ней горою ситцы, да яркіе, да пестрые, обрѣзки, ленты, и дѣвки, что мухи на меду, кучей облѣпили, жужжатъ, грохочутъ, и вокругъ перекликаются рѣзкіе дѣвичьи голоса.

Народъ гудитъ, торгъ идетъ.

Танькѣ отецъ купилъ леденецъ и велѣлъ воротаться домой, матери подсоблять, самъ зашелъ въ чайную; тамъ насчетъ крупныхъ сдѣлокъ солидные мужики засѣдаютъ, жуютъ селедку и ситный макаютъ въ чай. Лукьянъ среди нихъ зря затесался, — время провести.

Танька грызетъ леденецъ и бродитъ по базару какъ во снѣ.

Сонъ вырѣзной, раскрашенный и весь въ сусальномъ золотѣ. Золотой крестъ высоко прорѣзаетъ синеву, золотомъ облиты мокрыя соломенныя крыши, и лужи подъ солнцемъ золотою рябью переливаются. И у дѣвокъ на юбкахъ золотой позументъ.

Тутъ и Ванька вертится у возовъ; какъ юла крутитъ, и не поймешь, что онъ затѣваетъ. То возлѣ ларя съ деревянными ложками, то подъ возъ

подлѣзетъ, а тамъ, глядишь, протолкался въ кучу народа, гдѣ крашеныя яички продаются.

Танька смотритъ на него и дивится. Она не то, чтобы думала, Танька никогда не думаетъ, а такъ, глаза у нея становятся все шире и шире и совсѣмъ круглѣютъ, а ротъ красный, всегда замусленный, открывается, и еще смѣшнѣе дѣлается тогда ея сильно поднятый кверху, вострый носишка, между двухъ скуластыхъ и румяныхъ щекъ. Изъ подъ платочка у Таньки торчитъ, загибаясь вверхъ, туго заплетенная, промасленная, тоненькая русая косичка.

Она глядитъ, глядитъ и вдругъ смекаетъ, что Ванька тащитъ изъ ларя деревянныя ложки и куда то ихъ прячетъ.

Какъ поняла, подобралась вся, юркнула за уголъ и, не оглядываясь, сама не зная почему, полная ужаса, прямо огородами, со всѣхъ ногъ пустилась домой.

Къ ночи въ страстную субботу поднялся вѣтеръ. Подуло тепломъ. Буря разбивала, трепала колокольный звонъ, звуки таяли въ вихрѣ, крутились прерываясь и вдругъ мощно вздымались съ новымъ порывомъ вѣтра.

Намасленные, начищенные шли мужики къ заутрени. Женщины въ пышныхъ юбкахъ, нагруженныя куличами и всякой снѣдью, торопливо, какъ утки покачиваясь, спѣшили къ храму, а тамъ рядами наставлены блюда и кульки.

Танька съ другими дѣвченками сторожила материнскіе куличи. На ней новый платокъ, красный съ крапинами, словно пасхальное яичко. При мысли о ветчинѣ, что отецъ вчера принесъ съ базара, Танька улыбается, глаза ея жмурятся наглухо, а ротъ сильно растягивается, предвкушая удовольствіе.

Народу такъ много, что двери въ церковь стоятъ открытыми. Съ улицы видно, какъ поверхъ толпы, надъ Царскими Вратами свѣтится запрестольный образъ Казанской Божьей Матери. Изъ темноты во храмъ смотрѣть радостно, какъ будто въ темномъ небѣ открылась дверь въ Царствіе Божіе и тамъ горятъ тысячи огней.

Вотъ пришли господскія барышни, свѣтлыя, красивыя, бѣленькія да румяныя. Стали сквозь толпу пробираться. Мужики разступаются.

Танька провела рукой по барышниному платью, и оно показалось ей гладкимъ и мягкимъ, какъ крылья у бабочки. Танькѣ пріятно.

Запѣли «Христосъ Воскресе». Въ церкви двинулись, и крестный ходъ пошелъ. Священники идутъ быстро; вѣтеръ раздуваетъ ризы, играя хоругвями, бренчитъ золотыми костями. Гаснутъ свѣчи. Толпа неловко, торопливо поспѣваетъ, спотыкаясь о могильныя плиты. Мальчишки забѣгаютъ впередъ. Обошли трижды. Кто-то зажегъ бенгальскій огонь, а колоколъ гудитъ не переставая.

Ванька вынырнулъ изъ ночи. Онъ замѣтилъ свою подругу, чинно этакъ подошелъ, тихонько, снизу, незамѣтнымъ образомъ далъ ей тумака въ спину и говоритъ:

— Давай похристосуемся...

— Ладно...

И взявшись за руки, у двери храма подъ печальнымъ взглядомъ съ высоты взирающей Казанской Божьей Матери Ванька съ Танькой трижды поцѣловались.

Прошла Троица, отцвѣла черемуха; исчарился ароматъ сирени изъ господскаго сада, завязалась яблоня, и навязчивый, сладкій запахъ жасмина отлетѣлъ съ бѣлыми лепестками.

Поспѣла вишня. Лѣто стояло жаркое.

На селѣ возили душистое сѣно.

Вышла Танька поутру съ мусоромъ къ балкѣ. Откуда ни возмись — Ванька. Танька обомлѣла, со страху и съ радости.

— Нашкни, — прошепталъ Ванька.

Танька молчитъ, а черепокъ съ мусоромъ такъ и держитъ впереди себя.

— Ты нынче поди къ своей хрестной матери, побудь у ей малость и садомъ ворочайся въ село, — слышь?

— Для ча?

— Для ча, — передразниваетъ Ванька, — что говорю, чуешь?

— Чую.

— Меня то въ садъ сторожа не пущаютъ, а ты отъ хрестной матери, значитъ изъ господскаго дому. Чуешь?

— Ладно...

— До вишневой рощи добѣжишь, что у края, а я за плетнемъ дожидаться буду, съ лукошкомъ; тутъ ты станешь вышенью обирать и перекидывать. Опосля я тебя съ плетня съ̀ыму.

— Боюсь...

— А иди попозднѣй, какъ ближе дѣло къ ужину. Слыхала?

— Боюсь я...

— А боишься, за себя не возьму.

— Пойду, Ванька!..

— То-то, — сказалъ онъ хозяйскимъ голосомъ, ухмыльнулся, больно ущипнулъ ее въ закрутку и, насвистывая, глядя въ небо, пошелъ прочь.

У Таньки полились слезы изъ глазъ. Больно горитъ рука, и господскихъ сторожей боится она до смерти, но Ваньки она боится еще больше. Ванька ея будущій хозяинъ. Да онъ ее со свѣту сживетъ, коли она не послушаетъ, да онъ такія казни приду-

маетъ, что при одномъ предчувствіи у Таньки морозъ по кожѣ продираетъ.

Она выбросила мусоръ и съ тоской въ маленькомъ сердчишкѣ поплелась въ хату. Однако, проходя мимо кузни, гдѣ семнадцатилѣтняя Матреша, влюбленная въ кузнецова сына, безстыдно съ нимъ болтала, хоть онъ ее и не сваталъ, Танька надулась отъ важности и прошептала:

— Срамота. Невѣста не женихова!

Узорчатымъ плетеньемъ ложился золотой свѣтъ заходящаго солнца сквозь листву по бѣлымъ дорожкамъ сада. Въ домѣ окна загорались одно за другимъ. Большой господскій садъ, весь обсыпанный розовой пудрой, переливался нѣжными красками. Надъ лиловымъ прудомъ дубовая рощица окунулась въ голубоватую тѣнь, а по другую сторону клены, липы и еловая дорожка, убѣгающая въ золотистую даль, улыбались вечерней, алой, искристой улыбкой.

Въ густой, изумрудно-темной травѣ расцвѣли какъ кровь красные маки, а на зеленомъ, предвечернемъ небѣ вырѣзными крупными гроздьями повисли пунцовыя вишни.

Птицы замолкли, и только громко пѣли стрекозы.

Среди покоя, красы и величія, не замѣчая ничего, полная страха и покорной доблести, со смиреннымъ видомъ шагала Танька, плотно ступая босыми пятками. За пазухой она придерживала кусокъ жареной свинины, подаренный съ барской кухни.

При видѣ вишенъ и ужасъ и восторгъ вселились къ ней въ душу. Привычнымъ движеніемъ Танька перекрестилась, вся съежилась, стала незамѣтной и безшумно проползла въ рощу, къ самому плетню. Здѣсь висѣли крупныя, зрѣлыя ягоды.

Послышался негромкій свистъ.

Танька взобралась на нижнія вѣтви, рвала вишни горстями и перекидывала ихъ черезъ плетень въ подставленное лукошко. Она ликовала.

Но вотъ протянулась рука, и Таньку сцапали. Она безсознательнымъ, быстрымъ движеніемъ, спасая добычу, вынула изъ-за пазухи и швырнула за плетень свинину. Танька успѣла шепнуть:

— Утекай...

И покорно пошла за господскимъ лакеемъ, молча, кусая кулаки.

Привели ее къ крестной Агафьѣ Петровнѣ, та взяла ее на кухню и била, приговаривая:

— Не воруй, подлая, не воруй...

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Ни о свининѣ, ни о вишняхъ Танька ничего больше не слыхала, да она и не спрашивала. Ванька ее наградилъ по своему, и она, видавшая виды, о своей проказѣ не пожалѣла.

Ванька затащилъ ее въ сарай, повалилъ въ липкое свѣжее сѣно и, прижавши ногами, до полусмерти защекоталъ; самъ хохоталъ и жмурился, когда Танька, извиваясь, визжала, точно ее рѣжутъ. Потомъ она замолкла и только съ дрожью всхлипывала. Ванька ушелъ, а она долго, тихо плакала, пока, совсѣмъ разбитая, не уснула.

Набатъ ударялъ часто и гулко, тупымъ и короткимъ ударомъ. Уже два раза прерывался звонъ, и снова начинали. Горѣло на нижнемъ краю, у рѣки, гдѣ по огороднымъ землямъ жили богачи. Первыми загорѣлись Митрошины, тѣ самые, что на Красную Горку женили сына своего Устина на безприданной Машѣ. За ними Тимохинъ и Митрошинъ-Косой, — все мужики съ достаткомъ.

Живущіе на «Низу», по южному склону рѣки, разжились на посѣвахъ мяты и табаку. Верховцы низовцевъ ненавидѣли. Низовцы мужики серьезные, какихъ на верхнемъ порядкѣ съ огнемъ не сыщешь. Особенно же злою стала ненависть съ той поры, какъ Митрошинъ со своей родней торгуетъ у барина луга, раскинутые по ту сторону рѣки, какъ разъ напротивъ ихъ жилья; и хотя богачи для ублаготворенія села брали на себя построить черезъ рѣчку хорошій мостъ, чтобы не сносило въ каждое таянье, и даже по своимъ лугамъ обѣщались проложить дорогу къ дальнимъ надѣламъ, все равно, злоба не умалялась.

Внизу постоянно опасались огня и знали, что горѣть имъ неизбѣжно. Ужъ много лѣтъ у нихъ заведено, — всякое добро, все что ни есть дорогого не держать въ избѣ, а черезъ улицу, въ особой, прочно построенной кладовушкѣ съ желѣзной крышей. Гумна ставили у самой рѣки.

Набатъ прерывался и снова и снова настойчиво билъ. Ради богачей народъ не очень бы сталъ тревожиться, — какъ столпились для виду, такъ бы и стояли, глядя въ огонь. Но случилась бѣда: вѣтеръ, который дулъ сначала къ рѣкѣ, повернулъ прямо на село, и пламя, поднимаясь по косогору, пошло заворачивать серпомъ. Далеко летѣли горящія галки, искры подносило въ гору. Верховцамъ явилась угроза.

Народъ сбѣжался, и заработали дружно. Что горѣло, того не трогали. Отстаивали гору.

Прибѣжавъ со всѣмъ народомъ, Танька издалека увидѣла на краю обрыва, на багровомъ небѣ своего милаго. Онъ плясалъ и кривлялся.

Заслышавъ его шаркающую походку и почувствовавъ его близость, она заранѣе ежилась, ожидая щипка либо удара.

Танькины ясные, какъ новенькія копеечки, круглые глазенки открываются во всю ши-

рину, глядятъ вокругъ, и въ нихъ отражается ужасъ неба, встревоженнаго пламенемъ. Оно темное, темное, по краямъ бездонное и порою кажется такимъ низкимъ, что, если протянуть руку, — достанешь, и будетъ мягко и жутко. А кверху отливаетъ желтой сѣрой, гнѣвно кипитъ и клубится дымными тучами.

Она робко подошла къ краю оврага и говоритъ:

— Ваня...

Онъ поглядѣлъ, улыбнулся и молвилъ:

— Что ты, желанная моя?..

Танька ничего не сказала, только молча съ силой прижала рученки къ груди. Тамъ у нея больно забилось. Никогда еще онъ не проронилъ ласковаго слова.

Она прошептала:

— Горить...

Ванька взвизгнулъ, ладонями ударилъ себя по ляжкамъ и захлебываясь заговорилъ:

— Горить, Танюша! Богачи горять, чтобъ имъ и на томъ свѣтѣ, какъ на энтомъ, горѣть. Вишь, распроклятые горять, а имъ нипочемъ, потому агентъ пріѣдетъ да имъ денжищъ отвалитъ. Вишь, горять весело!..

И подплясывалъ и кривлялся, и Танькѣ почудилось, что не Ванька это, а «іонъ» и что лукавый ее путаетъ и стращаетъ.

Танька втихомолку подъ рубахой перекрестилась. Вдругъ онъ обнялъ ее за плечи и снова тихо, ласково прошепталъ:

— Желанная моя!..

У нея духъ захватило. Танька, было, обвила его шею своими худенькими рученками и губы протянула къ его чумазой щекѣ, какъ Ванька вырвался, крикнувъ:

— Пусти, дура...

И рванулся по косогору, — туда бѣжалъ народъ.

Крѣпчая, вѣтеръ сорвалъ огромный пукъ горящей соломы и легко перекинулъ на крышу крайней избы на верхнемъ порядкѣ.

Крыша вспыхнула, пока люди моргнуть не успѣли, и уже отъ нея занялся дворъ у сосѣда.

Люди позабыли страхъ, полѣзли въ огонь, въ самую пучину горящей соломы, голыми руками оттягивали бревна. Застучали топоры, багры протянулись, а бабы мѣрно и быстро, непрерывной цѣпью передавали ведра съ водой.

Рвался вонючій, сырой дымъ.

Ванька, гибкій и цѣпкій, мигомъ вскинулся на крышу и, какъ бѣсенокъ, будто въ огнѣ всегда и жилъ, копошился въ пламени, рвалъ и рубилъ. Вдали раздался гудокъ. Подъѣзжалъ баринъ съ насосомъ.

При помощи кишки наверху отстояли. Огонь погасъ. Помѣщичій насосъ лилъ теперь воду въ завѣсу, наперекоръ огню.

Танька все стояла надъ обрывомъ.

Затихало и внизу. На пожарищѣ тлѣли разбросанныя балки. Густой дымъ расползался, ѣлъ глаза и жирнымъ слоемъ залегалъ въ лощинахъ.

У богачей слышался плачъ; выли бабы надъ пропавшимъ добромъ. Кричалъ ребенокъ, которому въ суматохѣ придавило ручку.

Старикъ Митрошинъ и другіе погорѣльцы усѣлись у рѣки, куда не достигалъ дымъ, взяли водку, спасенную отъ огня, колбасу и закусывали, спокойно и равнодушно бесѣдуя:

— Зажегъ никто какъ изъ Минаевскихъ, скорѣй всего Бобровъ Григорій...

— Ихъ бы, сукиныхъ дѣтей, переловить да заслать.

Но Митрошинъ-Косой, бывалый старикъ, проговорилъ:

— Сколько ни лови, не уймешь. Огонь погасишь, — зависть не погасить. Мы богаты, такъ и будемъ горѣть... На все воля Божья...

Тяжелая рожь клонилась къ землѣ. Выросла крупная, наливная.

Погода стояла знойная, ни облачка; земля накалилась; по дорогамъ мурава горитъ.

И вотъ выѣхали съ каждаго двора раньше солнца. Началась косьба. Крупными снопами ложилась рожь подъ косой.

Кое гдѣ бѣжала неуклюжая жнейка, смѣшно и неровно размахивая деревянными граблями.

Позади потныя, корявыя, покрытыя пылью бабы ловко вяжутъ и сносятъ въ копны.

А солнце жжетъ какимъ-то особеннымъ, неутомимымъ жаромъ и нехотя къ вечеру уходитъ во мглу, круглое и желтое.

Лукьянъ безземельный мужикъ. Съ женою, съ Танькой, съ грудным младенцемъ выѣхалъ на барское поле. Ему досталось убирать на ближнемъ участкѣ, возлѣ самой усадьбы.

Лукьянъ человѣкъ угрюмый. У него съ молоду желчь разлилась, и оттого сталъ онъ норовистъ. Спору не терпитъ. Баба его и Танька пикнуть не смѣютъ; чуть что, — колотитъ.

До обѣда проработали. По солнцу Лукьянъ зашабашилъ. Баба сняла платокъ, подоломъ утерла лицо. Сѣли и пообѣдали хлѣбомъ съ лукомъ. Отецъ Таньку посылаетъ:

— Бѣжи къ хрестной матери, скажи, чтобы квасу прислала.

Танька пустилась босикомъ по скошенному полю; колетъ больно, но она только быстрѣй ногами перебираетъ.

Агафья Петровна зачерпнула на ледникѣ изъ кадушки полный ковшъ холоднаго квасу. Танька осторожно несетъ, но, подходя, со страху передъ отцовскимъ взглядомъ, выплеснула немного изъ ковша. Лукьянъ принялъ квасъ, а за выплеснутое далъ Танькѣ по затылку.

— Не тронь дѣвченки, — взвизгнула мать.

Онъ, молча, долго пилъ, потомъ поднялся, взялъ жену за волосы, да какъ рванетъ ее разъ, два по землѣ.

— Коли захочу, такъ и убью.

Баба глухо застонала, а онъ снова припалъ къ холодному квасу. Танька юркнула подъ телѣгу, гдѣ висѣла люлька, свернулась кружкомъ и зажмурилась.

Она часто видѣла, какъ отецъ избиваетъ мать. Бывало, та сутками встать не можетъ. Танька и печь истопитъ и воду носитъ. И Лукьянъ уйдетъ и не возвращается.

Иного житья Танька не знала и не мыслила.

Встали и молча проработали до вечера. Отмахали полъ десятины.

Подошла Агафья Петровна, Танькина крестная мать.

Агафья Петровна съ молоду служила на барскомъ дворѣ. Въ тѣ времена Юрьевскіе господа еще богаты были, десятины считали тысячами, держали конскій заводъ, вино курили и ни въ чемъ не терпѣли недостатка. И Агафья (а говорили про нее всякое и насчетъ даже самого барина) въ тѣ поры ходила бѣлая да гладкая, — не обхватишь; сарафаны носила пышные, бусы въ двадцать пять рядовъ.

Мужъ ея покойный кучеромъ состоялъ.

— Наработались, — запѣла она сладкимъ голосомъ, — небось уморились. . .

— Да ужъ побольше вашего, — отвѣтилъ хмуро Лукьянъ.

— Ой, не скажите, въ этакую жару на кухнѣ! Да еще время приспѣло консервное, все у плиты, — смерть...

— Ахъ, Агафья Петровна, ваша жисть сладкая!

— Давай мнѣ Таньку въ обученіе, буде и ей сладкое житье.

— Дома надобна, — кратко молвилъ отецъ.

Помолчали.

— А что поджигателя нашли, — спросила Агафья.

— Гдѣ тамъ! И не найдуть.

— Почему такое не найдуть?

— А потому никто на его не покажетъ.

— Боятся?

— Вѣстимо боятся. А и что-жъ бѣдному человѣку черезъ богатаго въ каторгу идти, что ли?

Агафья повела плечами.

— Такъ не отдашь Таньку?

— Зимой столкуемся.

Ужъ солнце закатилось, и ровная заря въ туманѣ разлилась по небу, и загорѣлись первыя блѣдныя звѣзды, когда Лукьянъ сталъ впрягать мерина въ телѣгу.

— Ну, прощайте, — молвила Агафья Петровна и поплыла къ усадьбѣ, гдѣ, видно было издали, уже зажглись огни.

Семья поплелась убогая, унылая, безъ радости, безъ чувства: Лукьянъ, неудачливый мужикъ, хмурый, какъ всегда, хозяйка, боязливая, забитая, и юная Танька позади телѣги, сосредоточенно шаркая въ глубокой пыли, уже остывшей послѣ захода солнца, прохладной, мягкой и пріятной, вздымающейся подъ ея ногами пышнымъ облакомъ.

За сѣтью дождя торчатъ голыя, зябкія деревья. За ними тонетъ въ туманѣ село.

Чиновникъ крестьянскаго банка и землемѣръ вышли съ утра, когда еще было ясно. Обѣдали въ полѣ; а къ тремъ часамъ пошелъ дождь и лилъ не переставая. Но работа была спѣшная.

Съ ними понятые и ребята для помощи. Ванька ходитъ съ утра за землемѣромъ и водитъ ленту. Ему нравится, что ученый баринъ, «земельный инженеръ», безъ него не можетъ обойтись.

Ванька промокъ до послѣдней нитки, онъ дрожитъ и стучитъ зубами, но стойко мѣситъ грязь дырявыми сапогами.

«Земельный инженеръ» разговаривалъ съ дядей Петрой, немолодымъ ужъ мужикомъ изъ болтливыхъ.

— А вотъ, ваше благородіе, земля то это чья?

— Которая?

— Да что мѣряемъ...

— Банковская.

— А допрежь чья была?

— Да ты вѣдь самъ знаешь, вашего же барина.

— Анъ и не барина. Земля Божья...

— Да оно, конечно, такъ, все Божье, однако...

— А что съ ней сдѣлаютъ?

— Съ кѣмъ?

— Съ землей съ энтой?

— Продадутъ. Видишь, нарѣзаю. Да ты вѣдь самъ знаешь, самъ же и купишь.

— Такъ. Таперича: ежели она Божья, кто жъ имѣетъ праву ее продавать?

— Да въ сущности говоря, не должно быть частнаго владѣнія... надо бы отчудить...

— Иванъ Николаевичъ, — проговорилъ укоризненно непремѣнный членъ, — вы, кажется, опять...

И прибавилъ негромко:

— Вторично даже Лидія Александровна за васъ хлопотать не возьмется.

— Виноватъ, привычка старая... студенческая...

— Упорныя же у васъ привычки. Ужъ лысина, а все студентъ.

А дядя Петра продолжалъ:

— Коли она Божья, никто не смѣетъ ее продать, а чтобы зря не гуляла, подѣлить ее мужичкамъ задаромъ.

Чиновникъ повысилъ голосъ:

— А тебя, если будешь вздоръ говорить, я въ Сибирь укатаю.

Ванька слушалъ, слушалъ, подобрался къ мужику и спрашиваетъ:

— Дядя Петра, а коли она Божья, кто ее дѣлить стане, попы?

— Уйди въ болото! Гляди, чего выдумалъ. Ежели попамъ по энтой статьѣ волю дать, они живо помѣщиками задѣлаются.

— А кто-жъ, коли никто правовъ не имѣетъ?

— Урядникъ, вотъ кто, — буркнулъ дядя Петра и перемѣнилъ разговоръ:

— Дождикъ то пересталъ; о-о тамъ гляди, полоса; стало быть къ ведру.

Вскорѣ повернули къ усадьбѣ. Всѣ продрогли.

Ванька не забылъ разговора о землѣ, шелъ и думалъ: — попы али не попы?

У большого окна въ господскомъ домѣ двѣ барышни сидѣли за работой. Ляля нѣжными красками выводила букетъ на листѣ сѣрой бумаги, Лиля шила шерстью по канвѣ.

Онѣ взглянули въ окно и обѣ вздохнули.

— Сегодня гости къ ужину.

— Да. Чиновникъ и землемѣръ.

Ляля и Лиля въ большой гостиной. Блѣдно голубые обои когда-то были подъ фарфоръ, теперь выгорѣли. Удобная, старая мебель потерлась. По столамъ нѣсколько дорогихъ китайскихъ вазъ, наполненныхъ астрами. Въ гостиной темнѣетъ.

— Сегодня они нарѣзали изъ нашей земли...

— Да; что папаша продалъ въ третьемъ году. Должно быть, промокли.

Лиля и Ляля смотрѣли въ окно, когда Ванька проходилъ мимо. Ляля отворила половинку и крикнула:

— Ванька!

— Чаво?

Онъ подошелъ.

— Что это твой дѣдъ не приходилъ нынче за супомъ?

— Знать грязь. Сапоги-то на мнѣ.

— Такъ погоди, я тебѣ на веревочкѣ спущу.

И обвязавъ плотно закупоренную бутылку съ бульономъ, она стала осторожно спускать ее на веревочкѣ. Ванька подпрыгнулъ и поймалъ бутылку.

— Не разбей.

— Ладно.

Онъ зашагалъ къ селу.

Дождь пересталъ. Тучи поднялись. Часть припала къ горизонту темной лентой. Межъ нихъ открылось небо, зеленоватое, холодное, какъ льдины. Изъ глубины оранжевымъ лучемъ обдало мягкіе бахромчатые края расходящихся облаковъ. Небо алѣло, освѣтились краснымъ золотомъ голыя вѣтви деревьевъ, блеснула даль и сѣрыя уплывающія тучи.

Съ земли приподнялся туманъ; онъ двигался, сходился и замыкалъ стѣною все, что зарумянилось передъ отходомъ къ ночи. Туманъ сталъ фіолетовымъ, укрылъ деревья, тонко вырѣзанныя на зеленомъ небѣ, спустился, посинѣлъ, и дѣвушкамъ почудилось, что сквозь щели окна онъ ползетъ въ

гостиную, холодный и липкій. Онѣ вздрогнули и задернули занавѣсь. Въ комнату вошелъ старый лакей Яша; онъ несъ зажженную лампу въ рукахъ. Въ столовой звенѣли посудой. Тишина деревенскаго дома оживилась вечерними хлопотами, уютными и знакомыми.

Праздничный день былъ сѣрый. Тучи залегли кругомъ. Было свѣжо. По «улицѣ» шло гулянье. Лущили сѣмя, ходили вереницами — дѣвки сами по себѣ, ребята отдѣльно. Только женихи съ невѣстами ходили обнявшись.

Дѣвки въ широкихъ юбкахъ, въ кофтахъ на выпускъ. Платки все больше нѣжныхъ цвѣтовъ. Домна, превеселая дѣвченка и собой смазливая, у бабки изъ сундука выпросила старинный нарядъ: сарафанъ изъ московскаго бархата съ галуномъ, шугай сборчатый, крытый китайчатымъ ситцемъ, и кику, всю расшитую мелкимъ зерномъ.

Нарядилась и вышла такъ въ народъ.

Всполошились дивчата, словно лягушки подъ вечеръ застрекотали:

— А и красиво!..

— Славно...

— А по мнѣ все лучше по городскому.

Вокругъ Домны собралась толпа.

И Танька тутъ случилась, но за малымъ ростомъ не видать ей въ середину круга. Попробовала было сквозь дѣвицъ протискаться и не сумѣла.

Домна пошла подъ гармонику въ плясъ.

Толпа сгустилась.

Танька стоитъ снаружи круга и глядитъ по сторонамъ. И видитъ она, какъ на дрожкахъ подъѣхалъ Митрій, Домны женихъ, и какъ вышелъ къ нему отецъ, Минаевъ, коренастый мужикъ съ широ-

кимъ, костистымъ лицомъ, съ плоскимъ носомъ и жидкой бородой.

Митрій, красивый малый, Минаева единственный сынъ, всего три недѣли, какъ всталъ отъ тяжкой болѣзни. Лѣчилъ его помѣщикъ на свой счетъ въ губернской больницѣ, потому что барышни очень съ Домной дружили и даже зазывали — и нерѣдко — къ себѣ.

Видитъ Танька, какъ Минаевъ выходитъ изъ избы, немного пьянъ, выходитъ и смѣется, глядитъ на сына такъ ласково и говоритъ:

— Гляди, твоя нареченная какъ обрядилась.

Митрій усмѣхнулся.

Вдругъ, видитъ Танька, старикъ въ лицѣ измѣнился:

— Погоди...

У него дрогнулъ голосъ.

Онъ взялъ лошадь подъ узцы, провелъ, со вниманіемъ глядя ей на ноги. Вдругъ, какъ гаркнетъ:

— Опоилъ, проклятый!..

Митрій упалъ ему въ ноги.

— Съ товарищами, забылся...

У Минаева лицо налилось кровью, глаза выкатились и остановились, и съ перекошеннымъ ртомъ онъ захрипѣлъ:

— Орловскій, кровный... не досмотрѣлъ, щенокъ пар....

Слово сдавилось въ горлѣ. Мужикъ шатнулся, оглядѣлся, схватилъ прислоненный къ избѣ желѣзный ломъ и со всѣхъ силъ замахнулся на сына.

Танька почуяла бѣду. Не своимъ голосомъ она закричала:

— Глядите, убьетъ!..

Толпа обернулась. Но было уже поздно.

Тяжелый ломъ опустился на Митріеву спину. Парень зарычалъ и мягко, весь какъ ватный, сползъ навзничь. Когда подоспѣли, онъ уже хрипѣлъ.

Домна съ воплемъ рванулась ему на грудь.

Минаевъ трясся всѣмъ тѣломъ. Нижняя челюсть отскакивала со стукомъ, а жидкая борода прыгала. Лицомъ онъ сталъ зеленый.

Изъ избы выскочила мать и повалилась рядомъ съ Домной.

Митрій отходилъ. Сѣрыя тучи нависли низко, на селѣ потемнѣло.

Минаева связали и увели. Оттащили женщинъ. Покойника внесли въ домъ.

Кто-то крикнулъ:

— Ванька Дѣдкинъ!

Ванька какъ изъ-подъ земли выросъ.

— Слетай за урядникомъ.

— Люди добрые, подсобите дѣвченкѣ, — крикнулъ Ванька и исчезъ въ сумеркахъ.

Танька лежала ничкомъ безъ движенія.

— Знать съ перепугу...

На шумъ прибѣжала прислуга изъ господскаго дома. Горничныя увидали Таньку, всплеснули руками, велѣли мужику снести ее на усадьбу, къ Агафьѣ Петровнѣ, — «потому до Завертышей дюже далече».

Кто-то взялъ ее подъ мышку и понесъ.

Агафья уложила дѣвочку въ своей горницѣ. На кухню прибѣжали барышни. Мужика, что Таньку принесъ, угощали чаемъ и заставили все происшествіе разсказать.

У крестной въ горницѣ жарко, пахнетъ деревяннымъ масломъ и сушенными яблоками. День и ночь горитъ лампада.

Ничего этого Танька не видитъ и не знаетъ, но ей чудится, что въ этомъ ужасъ. Голова у нея горитъ, кости ломитъ, и въ глазахъ меречитъ зажжен-

ная лампада. Запахъ яблокъ залѣзаетъ въ ноздри, назойливо и больно щекочетъ.

Танька гдѣ-то видѣла паяца на шарнирахъ. Онъ двигалъ руками и ногами и качалъ головой, со скрипомъ и неуклюже. Теперь она сама паяцъ. Ей двигаться тяжело и неловко, и, поворачивая голову, она слышитъ скрипъ.

Кто-то открылъ дверь и вошелъ въ комнату. Танькѣ вливаютъ въ ротъ холодное питье, и на одно мгновенье она испытываетъ счастье, подобное тому единственному и краткому счастью, когда впереди Ваньки она неслась во весь духъ съ горы на сверкающихъ ледяныхъ салазкахъ.

Возлѣ Таньки постоянно сидитъ кто-то въ черномъ, съ того самаго дня, какъ ее въ безпамятствѣ мужикъ принесъ въ господскій домъ и Агафья Петровна оставила у себя.

Агафья Петровна царствовала въ домѣ. Барышни тоже пожалѣли Таньку, — онѣ добрыя и съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ къ сельскимъ привыкли, какъ къ своимъ, всѣ ихнія дѣла знаютъ, какъ свои дѣла, каждаго помнятъ по имени, а ужъ крестниковъ у нихъ не пересчитать.

Лиля и Ляля миловидныя, бѣлокурыя дѣвушки. Лиля полная, а Лялѣ всего еще шестнадцать лѣтъ. Читая старинные романы, слушая Агафьины разсказы о томъ, какъ жили раньше, онѣ затерялись въ мечтахъ, зная изъ истинной жизни лишь то, что видѣли на селѣ.

Когда Танька очнулась, садъ былъ бѣлый. Танька забилась въ постель, натянула одѣяло на голову и замерла. Закрывши глаза, она соображала, но своимъ собственнымъ способомъ; она не напрягала мысли, а какъ-то сливалась съ движеніемъ времени.

Танька вспоминала, что въ послѣдній разъ она видѣла садъ чернымъ и голымъ, и кое-гдѣ были

еще желтые листья: — «значитъ за ночь выпалъ снѣгъ, — чудно».

— Вѣрно ребята ужъ выкатили салазки.

Она вздохнула, попробовала приподняться. У ея постели стояла барышня Ляля, и рядомъ съ ней дѣвушка въ черномъ. Танькѣ она показалась знакомой.

Танька улыбнулась и едва внятно прошептала:

— Въ ночь то выпалъ снѣгъ.

Ляля засмѣялась:

— Слышишь, Домна, она думаетъ, что вчера только спать легла.

Въ горницу вошла Агафья Петровна. Лиля принесла тряпичную куклу въ желтомъ сарафанѣ.

Заварили чай, всѣ усѣлись возлѣ Танькиной кровати, и ей давали маленькими ложечками варенье.

Лиля вынула карты изъ кармана.

Агафья повела плечами — такая ужъ у нея была привычка:

— Ужъ ладно, барышня, и любительницы же вы.

Она взяла колоду, дала съ нея снять «безпремѣнно къ себѣ и лѣвой рукой», разложила карты красивой звѣздою и на четырехъ углахъ побросала вѣерки. На сердцѣ тоже положила. И заговорила, словно запѣла, сладко, мѣрно, то-ли съ сомнѣніемъ, то-ли убѣжденно:

— И буде вамъ, барышня, письмо изъ трефоваго дома; и съ тѣмъ письмомъ въ сношеніи казенный человѣкъ, генералъ значитъ, али какой чиновникъ, пожилой мужчина. И въ томъ письмѣ насчетъ любви прописано, и вродѣ какъ поворотъ къ вѣнцу. Только вы, барышня, на него, на письмо то, не смотрите, а на сердцѣ у васъ антересъ къ молодому, и не далече онъ...

Лиля вздохнула. Ея щеки залилъ нѣжный румянецъ.

— А вотъ, глядите, тутъ вотъ бубновая дама, это вы сами и есть, въ самой какъ есть серединѣ и при деньгахъ; а слѣва, значитъ, онъ, бубновый король, и любовная карта.

Ляля задорно молвила:

— Бубновый король, это вѣдь блондинъ, а Лиля предпочитаетъ брюнетовъ.

— Ничего то вы, барышня, въ этомъ дѣлѣ не можете знать. Что блондинъ, что брюнетъ, карта одна, — холостой человѣкъ, а все въ томъ, какая рядомъ ляжетъ. Вотъ валеты собрались, хлопоты значить...

И говорила, говорила Агафья пріятнымъ голосомъ, и слушали ее барышни, не такъ слова, какъ голосъ, тихій, выразительный, въ душу проникающій, какъ надежда въ ихъ однообразной жизни, среди густого сада, вдали отъ людей.

Сгустились сумерки, шелестѣли карты, самоваръ кипѣлъ, и въ мягкомъ свѣтѣ лампады Домна тихо плакала.

И заснула Танька спокойнымъ сномъ, въ теплѣ, окруженная немудренными женскими душами.

Танька встала. Одѣли ее въ теплый, фланелевый капотъ барышнинъ. Капотъ волочился по полу.

— Не бѣда, — сказала барышня, — походи въ шутовскомъ нарядѣ, дома никого нѣтъ, папаша и тотъ уѣхалъ.

Танька провела рукой по головѣ, и изъ глазъ ея закапали горькія слезы. Она заплакала по своей тонкой, промасленной косичкѣ: Таньку остригли наголо.

Барышни открыли дверь и говорятъ:

— Гуляй по всему дому и объ косѣ не тужи — до свадьбы отростетъ.

Танька вспомнила своего милаго друга, мучителя и полновластнаго хозяина и еще пуще загрустила, какъ это она ему безъ косы покажется.

Господъ Танька не боялась. Она чуяла, что мягкодушны они и мягкотѣлы. Гдѣ мужикъ бьетъ кулакомъ, господа лишь рукой махнутъ да скажутъ что-нибудь мудреное, чего и не понять. И правда, живя въ господскомъ домѣ, Танька ни брани не слыхала, ни громкаго слова. Все одни только вздохи.

Вздыхала и скрипѣла старая мебель, жалобно охалъ вѣтеръ въ трубѣ, вздыхали барышни, и Домна вздыхала день-деньской отъ своего недавняго горя; отъ горя-то она и ушла изъ села и стала жить у барышень.

Вздыхалъ и Яша, старый лакей, прибирая комнаты, и Агафья Петровна вздыхала, поднявшись на второй этажъ, и даже книга съ картинками, большая и диковинная, и та вздыхала, когда Танька перелистывала ее.

Въ книгѣ были ангелы со множествомъ крыльевъ, и Святые, и Праведники со свѣтильниками въ рукахъ, и всѣ они ходятъ по садамъ, играютъ на райскихъ балалайкахъ; а среди нихъ летаютъ птицы съ длинными хвостами и ростутъ цвѣты.

Есть въ книгѣ и грѣшники и муки разныя, и черти показаны хвостатые, морды у нихъ песьи и рога огромные. Всякія страсти въ той книгѣ нарисованы; Танька смотритъ, и у нея морозъ по кожѣ продираетъ.

Танька сидитъ въ гостиной. Печка жарко натоплена, лампа свѣтитъ ласково подъ большимъ абажуромъ изъ розовой кальки.

Ляля читаетъ книгу, Лиля тихо, слегка беретъ аккорды на старомъ роялѣ. Домна въ черномъ платьѣ прядетъ пряжу.

На дворѣ вьюга. Ужъ третій день метель не перестаетъ, плачетъ, стонетъ, заливается невѣдомой пѣснью.

Дѣвушки молчатъ.

Вдругъ Ляля говоритъ, сверкая глазами:

— Слушайте, какъ хорошо: — «и рыцарь, вернувшись съ похода, вошелъ въ свой замокъ и прошелъ по заламъ, гдѣ лучъ изъ крови наложилъ багровый румянецъ смерти. Въ замкѣ умерла любовь и жизнь»...

Ударивъ неловко по клавишамъ, Лиля упала головою на руки и зарыдала.

— Что ты, — спросила Ляля дрожащимъ голосомъ.

— Тоска...

— О-охъ, тоска, — какъ эхо простонала Домна и тоже заплакала.

— Господи, да что же это, — прошептала Ляля, — если вы... такъ... и... я...

У Ляли закапали слезы.

Тогда испуганная непонятнымъ ей горемъ Танька взвыла:

— Ой, барышни, боюсь...

И заревѣла что есть силы.

Въ эту минуту вошла Агафья Петровна; она несла тарелку съ орѣхами и баночку меда, остановилась посреди комнаты и засмѣялась:

— Охъ, дѣвичьи слезы — вода.

Агафья смѣется мелко, словно бисеръ разсыпаетъ, такимъ уютнымъ и заразительнымъ, грудным смѣшкомъ; и постепенно дѣвушки одна за другой осушаютъ свои слезы, улыбаются, смѣются. И сталъ, наконецъ, въ комнатѣ хохотъ. Руки протянулись къ гостинцамъ, и подъ пѣснью вьюги во-

кругъ лампы съ розовымъ абажуромъ слышалось щелканье орѣховъ да дѣвичій смѣхъ.

Наступилъ день, когда Таньку тепло одѣли, платкомъ повязали и выпустили на дворъ.

— Поди, — сказали ей, — къ матери и скажи, что мы тебя у себя оставляемъ.

— Отца боюсь, — молвила Танька.

— Отецъ твой ушелъ въ городъ, нанялся.

Танька вышла; день былъ туманный, морозъ насѣлъ пушистымъ слоемъ по деревьямъ, на стѣнахъ. Все стало сахарнымъ. Танька походила по двору, увидѣла рабочихъ и убѣжала отъ нихъ; забилась подъ крыльцо.

Кто-то, выходя изъ дома, услыхалъ шорохъ. Нашли Таньку озябшую.

— Ты что это?

— Ничаво.

— Зачѣмъ къ матери не пошла?

— Боюсь.

— Чего ты, дура, боишься?

— Что стриженная.

— Ну, такъ что-жъ, что стриженная?

— А ну какъ платокъ сорвутъ да увидятъ.

— Кто?

— Ребята....

— Ну, увидятъ?

— Засмѣютъ.

— Да кто жъ сорветъ?

— Ванька Дѣдкинъ сорветъ.

— Это у нихъ, у деревенскихъ, считается: — стриженная дѣвка — позоръ, — сказала Агафья Петровна.

— Фу, какъ глупо.

Вмѣшалась Домна:

— Ванька твой ушелъ на заводъ. Дѣдъ-то померъ, онъ и пошелъ въ люди.

У Таньки сердце заныло. Не увидитъ она Ваньки; и стало ей скучно, скучно.

— А что коса, это глупости, — продолжала Домна, — вотъ и я скоро постригусь.

Она о монастырѣ помышляла.

Домна дѣвушка чудная: веселая и вмѣстѣ съ тѣмъ богомольная. Отъ барышень она научилась думать и чувствовать не по деревенскому, не по мужицкому; Митрія она любила не за то, что сапоги у него лоснятся, «а самъ больно мордастъ и на гармошкѣ здорово буднитъ» — просто, сердцемъ полюбила на жизнь.

Потерявши его, она спряталась у подругъ отъ сельскаго шума, и черное платье, которое ей дали барышни, было особенно мило ея скорбному сердцу. Рѣшеніе ея идти въ монастырь было твердо, и съ того дня, какъ Домна въ сердцѣ своемъ рѣшеніе приняла, горе ея смягчилось, и по убіенному тоска излилась благостными слезами.

Рождество встрѣтили мирно. Срубили елочку, убрали свѣчами и на столъ поставили.

Къ празднику самъ баринъ вернулся домой. Танька робѣетъ; стоитъ въ дверяхъ и на елку смотритъ.

Домну баринъ приласкалъ, только посмѣялся, что въ монастырь собралась. Ужъ таковскій онъ, ничему-то не вѣритъ.

Баринъ старый, но крѣпкій, борода у него большая, бѣлая; голосъ добрый, а взглядъ разсѣянный. Съ дочерьми онъ ласковъ, а съ прочими ровенъ. Онъ точно самъ къ себѣ снисходитъ, какъ бы глядя на себя изъ прошлаго.

На праздникахъ поѣхали въ монастырь барышни, Домна, — и Таньку съ собой прихватили — навѣстить мать-игуменью.

Морозъ былъ сильный, безъ вѣтра. Лошади сытыя, живо пять верстъ отмахали.

Молодыя монашки выбѣжали навстрѣчу:

— Мы бубенцы-то заслышали, ну, думаемъ — наши.

По бѣлому снѣгу подъ бѣлыми воротами ограды, среди березовой рощицы черныя монашки, тонкія, юныя, какъ жердочки, пестрятъ въ глазахъ. Барышни не могутъ распознать, которая какая.

Вошли гостьи въ ворота, по расчищенной дорожкѣ къ игуменской кельѣ. Келья съ куполомъ, голубая, впереди крыльцо съ колонками, а какъ въ сѣни войдешь, такъ обдастъ жаромъ и сладкимъ запахомъ ванили, гвоздики и цедры, и чуть-чуть рѣетъ ароматъ жженаго ладана.

У мать-игуменьи первая горница шпалерами оклеена, тоже голубыми, и по нимъ зеленые вѣночки, на окнахъ кисея, въ кіотѣ лампады горятъ. Вокругъ стола вѣнскіе стулья, и диванъ у стѣны пузатый въ три раздѣленія. Два шкапчика изъ палисандроваго дерева, и канарейка въ клѣткѣ.

Какъ въ этой горницѣ сядешь, такъ бы и не уходилъ, такъ бы навсегда и остался.

Мать-игуменья вышла. Женщина она ни толстая ни тонкая, съ желтымъ лицомъ и добрыми, безцвѣтными глазами, въ высокомъ клобукѣ. И носъ у нея точь-въ-точь клобукъ, такой же прямой, стремительный и впередъ тупой.

Мать-игуменья ласково встрѣтила гостей. За ней, тяжело ступая, прибѣжала мать-казначейша, баба толстая, румяная, съ громкимъ, мужскимъ голосомъ.

— Ахъ вы, мои пташечки дорогія, али къ вечернѣ пріѣхали, вотъ умницы. И ты, монашка,

— обратилась она къ Домнѣ, — ужъ не вовсе ли къ намъ?

Евдокія хлопнула въ ладоши, прибѣжали двѣ молодыя послушницы. Она имъ велѣла подать семи сортовъ варенья: клубничнаго изъ викторіи, да вишневаго, еще изъ мелкой лѣсной земляники, кружовеннаго съ кислинкой, яблочнаго, что вышло прозрачнымъ, да изъ бергамота, съ Юрьевскаго посада, и сухого, кіевскаго, присланнаго мать-игуменьѣ на праздникъ Рождества Христова.

Самоваръ принесли большущій.

Кромѣ варенья поставили ванильные сухари, баранки и тонкіе сушки съ солью, хворостъ на свинномъ жиру и сдобную, сладкую булку, а къ ней сливочное масло.

За чаемъ бесѣдовали, говорили о метеляхъ, о томъ, что подъ Рождество монашки по дорогѣ съ гумна наткнулись на обозъ. Обозъ сбился съ пути, пять человѣкъ замертво лежало, полузамерзшіе, и кони ужъ едва на ногахъ держались.

Мужиковъ монашки перенесли въ монастырь, наперво въ холодную избу посадили, послѣ въ грѣтую и только три часа спустя въ настоящее топленное помѣщеніе ввели.

Мужики-то дальніе, незнакомые, все здоровые и одѣты тепло. Что у нихъ на возахъ было, такъ и не дознались монашки, но за услугу одарили они ихъ богато и деньгами и шелковыми шалями.

Мужскимъ своимъ голосомъ мать-казначейша говорила:

— Что хотите, мать-игуменья, про закладъ положу, что мужики были моршанскіе, изъ безпоповцевъ, зато и богаты...

И разсказала она про невѣдомыя, безсчетныя богатства моршанскихъ старовѣровъ и какъ они тайно дали деньги на постройку православнаго собора въ уѣздномъ городѣ, — для отводу глазъ — и какъ они другъ за друга крѣпко стоятъ.

— И откуда у нихъ столько золота, — смиренно молвила мать-игуменья — вотъ намъ бы, православнымъ, сколько бы возвели храмовъ!

— У нихъ, слышь, съ Петровскаго царствованія все копится, да и оборачиваютъ. Ихній безпоповскій мужикъ грамотей, онъ купитъ да продастъ, а то деньги въ ростъ даетъ, да и прибыля то не пропиваетъ, какъ нашъ, къ примѣру сказать, юрьевскій мужиченка, а складываетъ. Вотъ за двѣсти годовъ и набралось.

Поговорили о сосѣднихъ помѣщикахъ.

Тутъ къ вечернѣ ударили. Всѣ перекрестились, встали, накинули теплое и вышли на дворъ.

Ужъ солнце садилось въ рощу. Въ его лучахъ свѣтился, а не таялъ, блѣдно-розовый снѣгъ, зардѣлись бѣленькія кельи, облитыя золотомъ, нарядныя для праздника, окна въ соборѣ сверкнули, а крестъ вверху такъ засіялъ, что больно стало смотрѣть.

Со всѣхъ концовъ вереницами, со сложенными на четкахъ руками въ широкихъ рукавахъ, съ опущеннымъ взоромъ подъ черной повязкой пошли, засѣменили отшельницы, а между ними мѣрнымъ шагомъ, величаво поднявъ клобукъ, проходили заслуженныя, старыя монахини.

Барышни отстояли всенощную, слушали пѣнье молодыхъ дѣвичьихъ голосовъ, вникая въ торжественную праздничную службу, и, помолившись усердно, распрощались на морозѣ съ монашками и по блѣдной, мерцающей дорогѣ поѣхали домой.

Танька, укутанная, глубоко въ саняхъ, межъ барышнями, поводила носомъ, вспоминая семи сортовъ варенье и сладкую булку. Въ церкви у нея голова кружилась, ноги заныли; она съ колѣнъ прямо сѣла на полъ и будто дремала. Ей чудилось, что ожили картинки въ книжкѣ изъ господскаго дома, и задвигались и запѣли ангелы. Сладко

было ей дремать среди мерцающихъ свѣчей, подъ нѣжныя ангельскія пѣснопѣнія, сладко было и теперь баюкаться въ большихъ саняхъ. И она жмурилась и сквозь рѣсницы глядѣла на ясный мѣсяцъ.

Какъ звѣрекъ, спасенный отъ смерти, Танька вдыхала, впитывала въ себя тепло и ласку и незнакомыя ей дотолѣ радости сытой и мирной жизни.

И только въ глубинѣ, въ самомъ затаенномъ уголку ея дикаго сердечка, жила тоска по ледянымъ салазкамъ на косогорѣ, по грязи на своемъ дворѣ да по Ванькѣ.

Ванька Дѣдкинъ сирота. Отецъ его давно пропалъ безъ вѣсти, мать померла. Ваньку ростилъ дѣдъ, старый, старый, можетъ быть даже столѣтній. Такъ на селѣ полагали, потому что старики отъ своихъ стариковъ слыхали, что, когда тѣ были молоды, такъ и дѣдъ былъ мальчикомъ.

Дѣдъ выростилъ Ваньку. Много старикъ потрудился, и ужъ сталъ теперь Ванька кое чего дѣду приносить, когда деньжонокъ, когда изъ съѣстного. Только дѣдъ возьми да умри. И не успѣлъ Ванька его отблагодарить.

Дѣда Ванька похоронилъ, съ недѣлю походилъ по селу, — Таньку искалъ, — узналъ, что она на усадьбѣ болѣетъ, махнулъ рукой, заколотилъ избу и, вскинувъ на плечи легонькій узелокъ со скарбомъ, бодрымъ шагомъ, рано поутру ушелъ на заводъ.

Съ начала ноября снѣгъ еще не выпадалъ; морозъ стоялъ крѣпкій. Послѣ осеннихъ дождей колеи на дорогѣ замерзли, колючія и жесткія. Идти неудобно.

На поворотѣ у Завертышей, на плотинѣ Ванькѣ взгрустнулось, — все же Танька къ нему

ласкова была и притомъ одна на всемъ селѣ, куски припасала, щипки его терпѣла. Онъ поглядѣлъ на Лукьянову избенку, худую, плоше дѣдовой, да и прошелъ мимо и протяжно свистнулъ. Въ свистѣ его выразилось все, — печаль, и пренебреженіе, и прощаніе съ селомъ, и привѣтствіе новому пути, едва освѣщенному сѣрымъ восходомъ облачнаго, ранняго зимняго утра.

Придя на заводъ, Ванька явился въ контору.

— Тебѣ что?

— Найматься пришелъ.

— Больно малъ.

— Не.

— Ты чего дѣлать можешь?

— А все могу.

Посмѣялись конторщики и приняли Ваньку на Кривинскій хуторъ подсоблять на конюшнѣ и у приказчика въ домѣ. Положили ему пять рублей на хозяйскихъ харчахъ и пару сапогъ.

Сдѣлался Ванька служащимъ человѣкомъ. Лошадей онъ любилъ и на конюшнѣ пропадалъ съ удовольствіемъ. Но была у приказчика Доримедонта Васильевича, человѣка уже немолодого, жена Фрося, женщина лѣтъ сорока, полная, здоровая, гладкая, въ соку. И, какъ Ванька взятъ и для услугъ, Фрося его къ рукамъ прибрала, всю домашнюю работу свалила на него.

Ванька избу почиститъ, самоваръ поставитъ, воды наноситъ и печь растопитъ; если гдѣ побѣлить надо, такъ онъ побѣлитъ, и порой даже — Фросѣ некогда — такъ Ванька обѣдъ сготовитъ.

Работы онъ не боится. Свиститъ съ утра до ночи и все тормошится. Ванька ловкій, подвижной малый, и съ той поры, какъ онъ въ домѣ завелся, Доримедонтъ Васильевичъ и обѣдомъ и чаемъ доволенъ.

А Фросѣ недоставало времени по причинѣ семинариста.

Былъ въ сосѣднемъ селѣ дьяконъ и у него сынъ семинаристъ, по неизвѣстной причинѣ изъ семинаріи выгнанный, парень роста высокаго, худой и прыщавый. Звали его Вальдемаркой. Этотъ самый Вальдемарка, — ужъ гдѣ онъ съ Фросей повстрѣчался, никому невѣдомо, — только снюхались они, и онъ каждый день, какъ приказчикъ со двора съѣдетъ, такъ является.

Впередъ чай пьетъ, а самоваръ Ванька ставитъ, баранки ѣстъ, а за ними въ лавку Ванька бѣгаетъ, а послѣ съ Фросей за перегородку уйдутъ и тамъ цѣлуются, милуются да и захрапятъ оба. Ванька сторожитъ, въ случаѣ чего тревогу даетъ.

Ванька не дуракъ. Сперва молчалъ, а проживши недѣлю, другую, однажды и говоритъ:

— Я вамъ, тетенька, служить буду исправно, и караульнаго вострѣй меня не найдете, а за то ужъ вы мнѣ, тетенька, харчи давайте пожирнѣй.

Фрося его за уши оттрепала со смѣхомъ, — баба она добродушнаго нраву, — и съ той поры Ванька поѣдалъ лучшіе куски. И каша ему густо масломъ сдобрена, и булка ему бѣлая, и даже бывало, когда хозяина дома нѣтъ, Фрося ему рюмочку поднесетъ и сама съ нимъ выпьетъ.

На жирныхъ харчахъ Ванька сталъ расти и ширѣть, и работа у него въ рукахъ спорилась.

Такъ время шло, сытно и однообразно.

Вспоминалъ ли Ванька село, своего умершаго дѣдку или худенькую Таньку, глядящую бывало на него испуганно круглыми глазенками? Кто его знаетъ. Въ глазахъ его мысли не прочтешь. Ванька мужикъ коренной, природный, — въ себѣ таитъ одно, а наружу у него другое.

Настали рождественскія вьюги. Доримедонтъ Васильевичъ въ домѣ засѣлъ, никуда не ѣздилъ, — у него разболѣлась нога. Фрося ногу ему растирала теплымъ масломъ съ толченой мятой, а внутрь онъ принималъ большую рюмку водки съ перцемъ. Послѣ того ложился въ постель, а Фрося рядомъ. Ванька ихъ накрывалъ пуховымъ одѣяломъ и шубами. Старикъ это называлъ: «лѣченіе женскимъ тепломъ».

Для Фроси было мучительно при ея полнотѣ подъ шубами лежать и притомъ неподвижно, чтобы, не дай Господи, гдѣ-нибудь подъ одѣяло не дунуло. Двѣ ночи она промучилась, на третью не выдержала, — какъ заснулъ старикъ, вылѣзла да сѣла на лавку.

Ванька на печи лежитъ и поглядываетъ. Фрося шепчетъ:

— Ваня...

— Чаво?

— Не спишь? Охъ, мочи моей нѣтъ, умаялась. Сходи, голубчикъ, въ амбарушку да принеси холодненькаго кваску.

— Ну-ка, что-жъ.

Ванька мигомъ соскользнулъ съ печи.

— Да грибковъ солененькихъ прихвати и капустки — чтой-то захотѣлось.

Ванька вышелъ на дворъ. Ночь ясная, морозная; метель стихла, и надъ сугробами снѣга, надъ занесеннымъ доверху хуторомъ, глубоко въ небѣ ярко и чисто горѣли звѣзды. Нигдѣ на свѣтѣ звѣзды не горятъ, какъ въ Россіи, нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ неба, равнаго небу Святой Руси.

Подъ этимъ небомъ заколдованной земли русской, подъ лукаво, искоса глядящимъ мѣсяцемъ, въ пушистомъ снѣгу притаился Ванька. Онъ, было, вышелъ за квасомъ, но тонкій слухъ его уловилъ шорохъ за угломъ. Ванька проползъ вдоль стѣны и заглянулъ за уголъ.

Длинная фигура въ городскомъ платьѣ что-то дѣлала въ стѣнѣ, какъ будто запуская руки между бревенъ.

Ванька узналъ Вальдемарку и понялъ, въ чемъ дѣло. Въ томъ мѣстѣ, изнутри, въ избѣ помѣщалась кладовка, гдѣ хранились шубы, Фросины шелковыя шали и дорогая наборная сбруя.

Такъ же тихо Ванька проползъ обратно, беззвучно скользнулъ въ избу и, вплотную подойдя къ хозяйкѣ, прошепталъ:

— Твой-то долговязый изъ кладовушки твое добро тянетъ, знать котору ночь ходить, стѣну просверлилъ.

Фрося вскочила:

— Врешь!

— Подите, коли охота, поцѣлуйтесь съ имъ.

— Ахъ ты, пострѣленокъ, — взвизгнула Фрося, но и сама испугалась, оглянулась на мужа и, какъ была босая, въ одной рубахѣ, вышла на морозъ и за уголъ.

Семинаристъ, въ пылу работы, замѣтилъ ее только тогда, когда ея тяжелая рука опустилась ему на плечо.

— Хорошъ баринъ, — пропѣла Фрося, — ты что же здѣсь плотничаешь?

Работа была чистая; снята доска съ рѣзьбой, обрамляющая уголъ, и подъ ней, между бревенъ проверчена большая дыра. Въ ту минуту, какъ Фрося поймала его, семинаристъ вытягивалъ шелковую шаль.

Онъ опѣшилъ да такъ и остался стоять.

Фрося размахнулась и дала ему такую оплеуху, что у дьяконова сына скулы затрещали.

— Мало тебѣ маво чая съ баранками да рублевокъ моихъ, еще красть повадился, безстыжая твоя рожа, ишь, отродье поповское!..

— Простите, Евфросинья Никитична...

— То-то, простите. Это же шаль которая?

— Вчерась вытащилъ лисью безрукавку. Болѣ ничего не бралъ.

— Безрукавку Ванькѣ нонѣ отдашь, какъ прійдетъ на село, а коли не отдашь, въ судъ подамъ. Ванька свидѣтель.

Семинаристъ вдругъ расхрабрился:

— А коли въ судъ, такъ я про твое безобразіе Доримедонту Васильевичу разскажу.

Фрося грузно разсмѣялась:

— Ты что же, свиное рыло, думаешь, что мужъ мой твому сказу повѣритъ?! Да у меня каждая собака на хуторѣ противу тебя свидѣтель.

Вальдемарка перетрусилъ.

— Ладно, — говоритъ, — отдамъ.

Повернулся и пошелъ.

Фрося вернулась въ избу.

— Поди, Ванюша, какъ разсвѣтетъ, дыру то паклей заткни да доску наколоти, а хозяину скажемъ, вѣтромъ, молъ, сорвало; нечего его зря безпокоить.

Между ними и рѣчи не было о томъ, чтобы Доримедонту не говорить. Фрося полагалась на Ванькину голову, Ванька держалъ хозяйку въ рукахъ.

Ванькѣ пошелъ семнадцатый годъ. Поступилъ онъ на мѣсто недоросткомъ, а на Фроськиныхъ харчахъ за одну зиму такъ вытянулся, пожирѣлъ, что не узнать.

Изъ хуторскихъ конюховъ первый ѣздокъ.

Доримедонтъ Васильевичъ справилъ ему плисовыя шальвары, поддевку да сапоги гармоникой за образцовое поведеніе, а Фрося сшила сатиновую рубаху, ярко-желтую.

Съ той ночи, какъ Ванька семинариста уличилъ, она за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ, ходила.

Само собой, Вальдемарка не являлся; лисью же безрукавку вернуть не удалось. Ванька тогда бѣгалъ за ней, да тотъ покаялся, что продалъ ее, а деньги пропилъ.

Пришлось Фросѣ мужу сказать, что безрукавку мыши поѣли. Доримедонтъ Васильевичъ всполошился — очень онъ мышей и крысъ не любилъ и даже передъ ними испытывалъ ужасъ. Женѣ онъ безрукавку новую купилъ, а противъ мышей изъ города выписалъ спеціальнаго человѣка.

Ужъ смѣху было у Фроси съ Ванькой, какъ человѣкъ пріѣхалъ да сталъ особое тѣсто мѣсить да изъ него катышки во всѣ щели засовалъ. Фрося все ухмылялась да и говоритъ тихонько:

— Нѣшто долговязый въ этакую щель пролѣзетъ!..

Мартъ мѣсяцъ былъ на носу; кончились февральскія послѣднія вьюги, солнце пригрѣвало, снѣжная равнина сверкала такъ, что больно было глазамъ. По дорогамъ снѣгъ осѣлъ, загрязнился, и лошадь на бѣгу спотыкалась въ глубокіе просовы.

Оживали между оконъ мухи, воробьи раззадорились, а съ крышъ капало быстро, яркими алмазными каплями, и въ томъ мѣстѣ, куда капало, протачивало снѣгъ, и виднѣлась черная оттаивающая земля.

Фрося скучала; то все въ избѣ расшвыряетъ, а то заговоритъ, пѣсни запоетъ, — очень не ровна. То ласкова, а то гонитъ Ваньку отъ себя:

— Поди, молъ, къ ребятамъ. Чего все въ избѣ торчишь?

И вдругъ замолчитъ и, молча, долго глядитъ въ мутное оконце.

Ванька понималъ, что мужъ у нея старый, что безъ Вальдемарки бабѣ скучно, и жалко ему Фроси, а не желаетъ, чтобы семинаристъ вернулся или

другой кто завелся — больно сладко живется ему съ ней вдвоемъ.

Доримедонтъ Васильевичъ снова много по дѣламъ отлучался, а они сидятъ въ избѣ, темно и будто въ дремѣ. То о пустякахъ поговорятъ, а то молчатъ подолгу.

Вотъ ужъ подъ самый мартъ уѣхалъ Доримедонтъ Васильевичъ въ губернію.

День прошелъ обыкновенно. Вечеромъ, какъ ребята отужинали и въ свое помѣщеніе ушли, Ванька съ хозяйкой стали чай пить. Фрося губами чмокаетъ и все на него поглядываетъ. И говоритъ:

— Тебѣ, Ванюшка, годовъ сколько?

— Семнадцатый.

— Ты вѣдь грамотный?

— Грамотный.

— А смирный какой, съ бабами ни-ни?

Ванька смутился.

— Ахъ ты, — малое дитя!

— Не дитё я, — молвилъ онъ браво, — что это вы, Евфросинья Никитична! Двухведерный самоваръ нипочемъ поднимаю, а вы — малое дитё.

Фрося усмѣхнулась, плечами повела.

— Ну-ну, — не обиждайся.

Чаю попивши, она вышла на крыльцо и Ваньку зоветъ:

— Посиди со мной, скучно чтой-то...

Ванька сѣлъ, а самому неловко, — въ головѣ плыветъ:

— Я, Ефросинья Никитична, спать пойду.

— Чаво спать, — сиди...

Вечеръ былъ уже почти весенній; отъ мокрой земли поднималась сырость, пыхало тепломъ.

По талому снѣгу плыли невѣдомыя тѣни; съ крышъ, съ деревьевъ, повсюду капало часто и

звонко; весь воздухъ звенѣлъ отъ падающихъ капель.

Крадучись подбиралась хмелевая весна.

Фрося встала и вошла въ избу.

— Иди спать, — приказала она.

За Ванькой опустила щеколду и, ни слова не говоря, стала раздѣваться. Въ одной рубахѣ съ полными, голыми плечами, съ грудями, бѣлыми и упругими, дрожащими у края рубахи, она сѣла на постель и тихо молвила:

— Ваня, подь сюды...

Онъ подошелъ бокомъ, не глядя на нее, понимая, чего хочетъ женщина.

— Ой, Ваня, тошно мнѣ, — простонала Фрося и обняла его горячими руками за бедра.

Ванька задрожалъ, хотѣлъ было вырваться, но вдругъ смѣлой рукою онъ повалилъ изнывающую Фросю и схватилъ ее въ свои лапы...

На утро Ванька еще спалъ, когда Евфросинья Никитѝчна печь растопила и самоваръ поставила.

— Пусть его поспитъ, — молвила она съ умиленной улыбкой, — молоденькій, уморился.

Ванька, проснувшись, по привычкѣ, было, вскочилъ и взялся за ведро, да, увидѣвъ кипящій самоваръ на столѣ, скатерть постланную и всякую снѣдь, смекнулъ, что ему теперь, какъ бывало семинаристу, сидѣть да ублажаться, а Фросино дѣло служить. Ухмыльнулся Ванька, руки въ карманы заложилъ и подошелъ къ столу, насупившись.

— Ваня, — молвила она.

— Чаво?

— Али не любишь?

— Чаво не люблю; любить можно. Вы, Евфросинья Никитична, раскрасавицы.

Евфросинья отъ удовольствія залилась румянцемъ, вскочила и, обхвативъ Ваньку за шею, стала его въ засосъ цѣловать:

— Ахъ ты мой ненаглядненькій, жеребчикъ ты мой, теленочекъ...

— Не висни, — проговорилъ Ванька сквозь зубы и сѣлъ за столъ.

Чѣмъ нѣжнѣе рвалась къ нему женщина, тѣмъ небрежнѣй становился онъ, и тогда, готовая служить, она спѣшила еще и еще его порадовать.

Самка-Фроська всѣмъ своимъ крѣпкимъ тѣломъ ликовала, глядя, какъ онъ ѣстъ и чай пьетъ съ блюдечка, отдуваясь точно взрослый мужикъ. Въ ея глазахъ онъ имѣлъ всѣ права на господство.

Для отвода глазъ Ванька кое-что прибралъ въ избѣ, принесъ ведро воды, на конюшню прошелъ, а послѣ сытнаго обѣда завалился на печь.

— Вы, Евфросинья Никитична, щеколду-то опустите.

Фрося, какъ отъ вѣтру береза, вся затрепетала и, заперевъ дверь, молча, съ покорной радостью полѣзла къ нему.

— Ишь ты, гладкая какая, — говорилъ Ванька.

А она только млѣетъ.

Съ пріѣздомъ Доримедонта Васильевича они свой грѣхъ укрыли лживымъ привѣтомъ, зато въ домѣ все пошло еще лучше, еще ровнѣе, и Фрося повеселѣла противъ прежняго, и щи удавались наваристѣй.

Старый мужъ могъ похвастаться и слугой и хозяйкою.

Стаяли снѣга, въ мокромъ полѣ расправлялись озими; снова пришла бурливая весна, по селу потекли ручьи, и лужи переливались подъ солнцемъ. Мужички вышли въ поле.

Ляля съ Агафьей Петровной повели Таньку навѣстить мать: она родила третьяго дня дѣвочку.

Бѣднякамъ не везетъ — дѣти сыплятся, и все дѣвки.

На Агафьѣ новыя галоши сіяютъ глянцемъ. Платокъ она скинула и красуется въ синемъ шелковомъ повойникѣ. Танька разулась, жалко ей новенькихъ сапожекъ, что барышни купили на базарѣ.

Мать на нее порадовалась, Лялѣ ручки поцѣловала. Въ избѣ у нея бѣдность, хлѣба нѣтъ, одежи нѣтъ. Сама лежитъ на тонкой подстилкѣ. Барышня кое чего принесла изъ бѣлья. Агафья выложила трешницу и кусокъ солонины.

Побыли, поговорили и домой пошли.

— Какъ они плохо живутъ, — вздохнула Ляля.

— Сами виноваты, — отвѣчала Агафья Петровна, — какъ Настю замужъ отдавали, было за ней сто рублевъ, корова была и скарбъ. Все Лукьянъ пропилъ.

— Ахъ, няня, страшная вещь пьянство! Я тебѣ вотъ что скажу, — боюсь я. Что мнѣ скрывать, ты и сама видишь, какъ она на приказчика, на Семена смотритъ, вся ея душа въ глазахъ.

— Да ужъ дѣйствительно, что вижу. Только онъ ей не пара, и ужъ папенька ни въ жисть не позволитъ.

— Ты не знаешь, Агафья, чего только не дѣлаютъ ради любви. Я вотъ читала...

— Ты читала, а я взаправду видѣла, — молвила Агафья, и по лицу ея скользнула улыбка, нѣжная и полная тайны.

— Онъ пьяница...

— Вѣстимо, пьяница.

— Я не боюсь, что онъ изъ простыхъ, не то важно, а замучаетъ онъ ее.

Агафья Петровна вспылила:

— Да какъ же это возможно! Какъ это такъ не важно! Это у васъ изъ книгъ мысли такія. А

поглядѣли бы на свою бабку, такъ не то что приказчикъ, а ежели дворянчикъ поплоше, такъ въ комнаты не пускали. Выйдутъ, къ ручкѣ допустятъ, а къ столу не зовутъ.

— Ну это мнѣ не нравится. Знаешь, въ Европѣ даже у бароновъ слуги ѣли съ хозяиномъ за однимъ столомъ.

— Бароны намъ не указъ, они, вишь, нѣмцы. И у насъ бывало на боярскихъ дворахъ, что люди съ господами за одинъ столъ садились, да только вродѣ какъ подчиненные. Я вѣдь тоже знаю.

— А лучше раньше было?

— Какое сравненіе! Раньше все на своемъ мѣстѣ было. Баре барами, а мужики мужиками. А нонѣ все спуталось, тфу!

— Все водка виновата.

— Какая водка! Водка допрежъ человѣка на землѣ была. Чугунка виновата, да порку позабыли. Годовъ тридцать тому назадъ Лилю то нашу за шашни съ приказчикомъ отецъ приказалъ бы въ банѣ выпороть, и вся бы дурь вонъ изъ головы. У меня вотъ дѣтокъ нѣтъ, такъ я Таньку сѣку...

А Танька позади съ блаженнымъ видомъ мѣсила грязь босыми ногами, и никакія блага, ни сласти, ни жизнь въ барскомъ домѣ не были столь плѣнительны, какъ природное, коренное удовольствіе.

Танька выросла и покруглѣла, ужъ на дѣвицу смахивала. Платье на ней чистое, шерстяное, фартукъ бѣлый, а голова вся кудряшками завилась. По обычаю, она туго обвязалась платкомъ, чтобы никто не видѣлъ ее безъ косы.

Встрѣчные кланялись. Кое-кто подходилъ о чемъ-нибудь попросить.

Домнина мать стояла возлѣ своей избы. Замахала руками, стала зазывать:

— Пожалуйте, барышня, не обезсудьте.

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY
AT URBANA-CHAMPAIGN

И пошли разговоры да причитанія, что ушла таки Домна къ монашкамъ, отпросилась таки и что жалко ей свое дѣтище.

— Не грѣши, Марфа, — серьезно выговорила Агафья, — Домна твоя благую долю избрала.

— Такъ-то оно такъ, Петровна, а все жалко. А того, слухомъ мы пользовались, засудили — Минаева то — прямо въ каторгу на пятнадцать годовъ.

— Охъ, грѣхи наши тяжкіе...

Когда онѣ подходили къ усадьбѣ, навстрѣчу имъ бѣжала горничная. Ляля сразу поняла, что дома несчастье.

Она вскрикнула: — папаша! — и побѣжала.

— Съ бариномъ худо, — говорила дѣвушка, съ трудомъ поспѣвающей Агафьѣ Петровнѣ, — дядя Митяй за дохтуромъ погналъ. Они вышли на крыльцо и говорятъ: — «хороша весна...», и въ горлѣ у нихъ сперлось, сами посинѣли. Тутъ мужички случились, все побросали да барина въ домъ снесли.

Женщины поднялись въ спальню. На постели безъ движенія лежалъ старикъ. Дыханіе рвалось съ хрипомъ изъ его груди. Лиля рыдала, уткнувъ лицо въ подушки. Въ ногахъ у барина прислонился Яша; онъ не плакалъ, но вся его скорбная душа глядѣла изъ глазъ.

По стѣнѣ стояло человѣкъ шесть мужиковъ съ шапками въ рукахъ. Горѣли свѣчи.

Священникъ пришелъ.

Вдругъ умирающій открылъ глаза и тихо, но внятно произнесъ:

— Агафья Петровна, помяни старое, сбереги дѣтей.

Агафья всей своей тяжестью рухнула на колѣни:

— Сберегу, баринъ, батюшка, будь покоенъ, — простонала она, и все тѣло ея затряслось беззвучнымъ плачемъ.

Когда пріѣхалъ докторъ, все было кончено. Докторъ новый, чужой, молодой, — никто на него не обратилъ вниманія. Онъ повертѣлся и уѣхалъ.

Сестры горько плакали. Послали за монашками — читать псалтирь. Агафья велѣла просить мать-игуменью, чтобы отпустили Домну къ сироткамъ; сама же открыла шкапы и достала бариновъ дворянскій мундиръ, чтобы въ немъ его въ гробъ положить.

Агафьины распоряженія исполнялись безпрекословно. Всѣ слышали единственныя ясныя слова умирающаго барина.

Только приказчикъ Семенъ Ивановъ, молодой и черноглазый, — на семъ его прозвали «цыганомъ», — шумно вошелъ въ гостиную, наклонился надъ Митей и что-то прошепталъ. Ляля стояла посреди комнаты; она вскинула на него гнѣвные глаза и сдержанно проговорила:

— Подите вонъ отсюда.

Семенъ Ивановъ пожалъ плечами и, поклонившись, съ кривой улыбкой вышелъ.

— Зачѣмъ ты его такъ, — плача еще горше, упрекнула Лиля.

— Замолчи, — отвѣчала Ляля, сдерживая приступъ бѣшенства.

Въ эту минуту вошла монашка. Глаза ея смотрѣли ясно, со свѣтомъ радости въ печали. Она охватила Лилю руками, прижала голову ея къ своей груди и прошептала:

— Господь съ тобою, голубка моя, Господь съ тобою.

И какъ будто отъ ея голоса угасающій день засвѣтился нѣжнымъ золотомъ, и за окнами послышался колокольный звонъ.

Ляля сѣла къ роялю, и всѣ три дѣвушки запѣли дрожащими отъ слезъ голосами:

Былъ у Христа Младенца садъ,
И много розъ взростилъ Онъ въ немъ . . .

А Танька сидѣла, забившись между книжнымъ шкапомъ и печкой. Она все слышала и ничего не понимала и осторожно, чтобы никто не замѣтилъ, обгладывала куриную ножку.

Въ каждую весну послѣ зимняго развала наступаетъ смутное время, когда природа не знаетъ, плакать-ли ей по морозамъ или радоваться возвращенному солнцу. Туманы борятся съ жаромъ лучей, воды несутся подъ напоромъ тепла, все зеленѣетъ, и лишь въ оврагахъ хмурится земля. Въ это время все живущее теряетъ голову. Самцы выходятъ на охоту за самкой, и она дрожитъ отъ нетерпѣнія, кокетливо отворачивая взоръ.

Одинъ только соловей ждетъ послѣдней побѣды весны, и лишь, когда полопаются набухшія почки и нѣжный листъ расправитъ свои складки, когда зацвѣтутъ душистыя вѣтви фруктовыхъ деревьевъ и взлетятъ вереницами первыя желтыя бабочки, тогда только раздается безконечная любовная трель соловья. И, заслышавъ ее, женщина падаетъ на грудь любовника.

Въ Юрьевской усадьбѣ Лиля съ «цыганомъ» укрылись въ чащѣ сада, когда запѣлъ соловей.

Они сидѣли бокъ-о-бокъ подъ низкими вѣтвями дубовъ. Семенъ обвилъ ее рукою, а она не смѣла поднять глазъ, и голова ея спускалась все ниже къ его плечу.

Вдругъ онъ припалъ къ ея губамъ. Лиля откинулась, изнемогая отъ сладости, сдавившей грудь, а онъ уже не помнилъ себя. Онъ порвалъ пуговки на ея кофточкѣ и, когда пальцы его коснулись пылающихъ, острыхъ и твердыхъ дѣвическихъ

сосковъ, страсть заполонила его разумъ. Лиля отдалась безъ борьбы...

Когда она шла домой, счастливая и испуганная, она знала, что путь ея начертанъ. На щекахъ ея игралъ румянецъ, походка пріобрѣла легкость. Она будто собиралась въ дальнюю дорогу.

Агафья Петровна смутно все предвидѣла; она знала сердце Юрьевскихъ господъ, слабое и неудержимое въ любви.

Агафья жила въ господскомъ домѣ съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Первая жена покойнаго барина взяла ее такою же дѣвченкой, какой теперь Танька попала въ домъ.

Только у Агашки косы были по колѣна и глаза большіе, синіе подъ бровями, ровными, словно темная нитка.

Ей минуло семнадцать лѣтъ, и стала она писанной красавицей, когда баринъ, вернувшись съ войны въ деревню, повстрѣчался съ ней въ дверяхъ женина спальни.

Баринъ улыбнулся, а она рукавомъ укрылась. И съ этой минуты баринъ страстно въ Агашу влюбился. И она полюбила его, но на открытый позоръ не пошла.

Однажды, придя на обычное свиданіе, Агафья сказала ему:

— Люблю я тебя, баринъ, душевно, но позориться не стану. Найди ты мнѣ такого мужа, дальняго человѣка, чтобы приданное взялъ, а меня не тронулъ, и буду я тогда твоею.

Поцѣловала его въ губы своими алыми, горячими устами и исчезла.

Баринъ уѣхалъ въ Москву и вернулся съ новымъ кучеромъ, немолодымъ мужикомъ. Черезъ мѣсяцъ кучеръ обвѣнчался съ Агафьей. Послѣ

вѣнца она мужу своему въ поясъ поклонилась, прощенья попросила и, вся сверкающая, словно литая, въ парчевомъ сарафанѣ, побѣжала подъ лунными лугами въ павильонъ, гдѣ ждалъ ее возлюбленный для сладостной брачной ночи.

И прожила Агафья въ тайной связи съ бариномъ десять лѣтъ. За это время скончалась его первая жена. На одиннадцатомъ году счастливой жизни Агафья родила мертваго ребенка и, принявъ это за предостереженіе свыше, она сказала барину, что ей пора объ душѣ подумать, а ему для продолженія рода — жениться. Долго онъ не противился, хотя любилъ Агафью; но зная, что двухъ рѣшеній у нея не бываетъ, исполнилъ ея волю.

Жилъ неподалеку отъ Старо-Юрьевскаго помѣщикъ, извѣстный своею злобой и развратной жизнью. У него была дочь Наденька, скромная, запуганная и милая дѣвушка. Юрьевскій баринъ попросилъ ее въ жены, но отецъ отказалъ по своему пустому самодурству. Агафья не уступила; она уговорила барина устроить свадьбу увозомъ и сама во всемъ помогала.

Отецъ погнался за дочерью, да опоздалъ, — молодыхъ уже повѣнчали. Онъ жаловался архіерею, но и тутъ его опередили. Зять его съѣздилъ раньше и во всемъ покаялся, такъ что Преосвященный на всю исторію посмотрѣлъ сквозь пальцы.

Послѣ злой сосѣдъ разорился и, не примирившись съ дочерью, исчезъ изъ губерніи.

А Наденька за добрымъ мужемъ расцвѣла и родила ему сперва Лилю, а послѣ Лялю и вторыми родами померла. Баринъ очень по ней горевалъ и съ того времени забросилъ дѣла и хозяйство. Имѣнье стало рушиться.

Агафья ростила дѣвочекъ и управляла домомъ. Про старое Агафья съ бариномъ не поминали.

Въ тотъ вечеръ, когда Лиля послѣдовала за соловьиной пѣснью въ рощу, Агафья Петровна вышла въ садъ и сѣла на скамью отдохнуть.

Увидѣвъ Лилю, идущую къ дому, съ лицомъ, горящимъ и стыдомъ и счастьемъ, Агафья догадалась, что грѣхъ совершенъ.

Она встала и молвила печально:

— Стало быть, на позоръ пошла?

— Стало быть, — отвѣтила Лиля и улыбнулась такой улыбкой, что у няньки сердце упало.

— Опуталъ, значитъ. Что-жъ, теперь вѣнчаться?

— Вѣнчаться.

— Вотъ онъ куды гнулъ.

Агафья Петровна звякнула ключами.

— Я ему покажу, гдѣ раки зимуютъ.

— Не смѣешь ты такъ, Агафья, — сказала Лиля.

— Все посмѣю, и Вы мнѣ еще спасибо скажете. Въ кусты мнѣ за вами не угнаться, а ужъ изъ дѣтскаго добра ничего пропойцѣ не видать.

Агафья Петровна была въ сильномъ раздраженіи.

У Лили глаза наполнились слезами:

— Не сердись, няня, — всхлипнула она, — я и безъ того несчастна.

— Каждая дѣвушка, ежели себя не соблюдаетъ, такъ она несчастна, — сказала Агафья и пошла прочь.

Лиля долго стояла на дорожкѣ, уткнувшись лицомъ въ цвѣтущую сирень, плечи ея вздрагивали, она горестно вздыхала. Но тяжелыя золотыя пчелы, шныряющія въ кустѣ, развлекли ее. Лиля стала искать счастья въ сирени, и, когда съ балкона звучный голосъ сестры позвалъ ее къ ужину, ея лицо улыбалось, и во влажныхъ губахъ она держала цвѣтокъ съ пятью лепестками.

Когда Танька уснула, Агафья Петровна встала съ постели, накинула теплую шаль и грузно опустилась передъ образами.

Она молилась долго и горячо, чтобы Господь вразумилъ ее насчетъ Лили и насчетъ дѣтской пользы. Она молилась съ безусловной вѣрою, но не смиренно, не признавая себя ничтожной песчинкой. Агафья Петровна во всякую минуту жизни оставалась спокойной и убѣжденной. Съ молодыхъ лѣтъ и всю жизнь она прожила своимъ собственнымъ разумомъ, и у нея сложился ясный и прочный взглядъ.

Поступокъ Лили причинялъ ей горе и стыдъ, и у Бога она искала помощи.

Агафья Петровна молилась долго и, когда, вздрагивая отъ утренней прохлады, она поднялась съ колѣнъ, за окномъ, въ жемчужно-дымчатыхъ сумеркахъ брезжило утро. Легко золотились края похожихъ на рябь по прозрачному озеру, словно сѣтка покрывающихъ небо мелкихъ тучекъ. Весь садъ трепеталъ подъ тягой предразсвѣтнаго вѣтерка, а изъ конюшни доносилось фырканье коней.

Агафья еще разъ перекрестилась и стала одѣваться. Она вышла во дворъ, умылась изъ колодца и пошла по усадьбѣ въ обходъ. Всякое утро ходила Агафья, заглядывая въ помѣщенія, въ каждую щель, — не сорятъ ли люди дѣтскимъ добромъ. Всякій вечеръ снова шла въ обходъ, чтобы все къ ночи было прибрано, не горѣлъ бы огонь, да ребята не курили бы папиросъ.

Пуще глаза хранила она имущество до пріѣзда дѣтскаго опекуна Юлія Юльевича фонъ Краамъ, стариннаго друга покойнаго барина.

Возвратившись, Агафья разбудила Таньку, побранила коровницу за нечистоту, заварила кофе и пошла къ барышнямъ.

День выдался тихій, ясный, совсѣмъ обыкновенный, какъ всѣ дни. Послѣ обѣда Ляля рисо-

вала у окна, потомъ въ саду учила Таньку дѣлать стойку и хохотала надъ нею до боли въ боку.

Къ чаю Агафья подала коржики, липовый медъ и прошлогоднее варенье изъ райскихъ яблочковъ въ густомъ сиропѣ, похожихъ на маленькіе апельсины.

Хватились Лили. Ея не было нигдѣ. Агафья чуть сливочникъ не разбила, такъ стукнула имъ по столу, разсердившись при мысли, что барышня «опять съ приказчикомъ путается».

— Что съ тобой, няня?

— Такъ, двинула неловко.

Ляля сѣла одна за чайный столъ; она раскрыла книгу и задумалась, глядя черезъ окно сквозь вѣтви въ далекое поле за селомъ.

Къ вечеру къ дому медленно подошли Лиля и Семенъ Ивановъ. Шли они объ руку и, увидѣвъ сестру на крыльцѣ, Лиля молвила:

— Мы съ Семеномъ Ивановичемъ обвѣнчались.

Ляля вскочила багровая, попробовала что-то сказать, но не смогла и, схвативши себя руками за горло, почти шатаясь, сильно хлопнувъ дверью, вошла въ домъ.

У нея съ ранняго дѣтства бывали припадки бѣшенства. Въ это время она напоминала своего дѣда, злого помѣщика, который отъ гнѣва, бывало, задыхался. Агафья, по разсказамъ покойной Наденьки, знала, что Ляля багровѣетъ точно такъ же, какъ онъ, и такъ же руками будто хочетъ сорвать и воротникъ и собственное горло.

Агафья всплеснула руками и застыла. Семенъ Ивановъ, поблѣднѣвшій отъ обиды, выступилъ впередъ, готовясь сказать что-то дерзкое, но въ это время послышался звонъ бубенцовъ, и къ крыльцу на сухопарыхъ земскихъ, въ высокомъ тарантасѣ подкатилъ Юлій Юльевичъ фонъ Краамъ.

Агафья Петровна, какъ стояла у крыльца, такъ ему въ ноги и повалилась и заголосила.

Юлій Юльевичъ, обрусѣвшій прибалтіецъ, очень любилъ трогательныя сцены и такимъ чисто-русскимъ пріемомъ остался доволенъ. Однако, растерялся.

— Ахъ ты, Боже мой, — заговорилъ онъ, — ахъ ты, Боже Праведный, что случилось. Встань же, Агафья Петровна, и замолчи ради Создателя.

Въ эту минуту выскочила Ляля и, указывая на молодыхъ, закричала:

— Что случилось, дядя Юля? Вотъ эта дѣвченка, никого не спросясь, воспользовалась папашиной смертью и обвѣнчалась съ приказчикомъ! Вотъ, что случилось.

— Какъ, съ приказчикомъ?

У старика глаза покруглѣли, и ротъ открылся. Но только на мгновеніе; онъ сейчасъ же сообразилъ, что съ фактомъ надо считаться, и мысли его обратились на практическую сторону дѣла. Онъ насучилъ брови и проговорилъ:

— Не бойся, Ляленька, мы молодого человѣка за совращеніе несовершеннолѣтнихъ притянемъ, и все дѣло устроимъ къ благополучію. Aber der ямщикъ soll unsere Familiengeschichten nicht hören. Войдемте въ домъ.

Агафья мигомъ поднялась и, угрожая Семену кулакомъ, проворчала:

— Вишь, притянемъ тебя, щелкопера.

— Fräulein Лиля, пожалуйте за мной, — молвилъ опекунъ и пропустилъ покорную Лилю впередъ.

Она только умоляюще взглянула на мужа и пошла, надѣясь уговорить добраго Юлія Юльевича.

Опекунъ заперся съ Агафьей Петровной въ кабинетѣ умершаго хозяина.

— Такъ-такъ, — заговорилъ Юлій Юльевичъ, — маменька тайкомъ вѣнчалась, и дочка по ея примѣру. Видно романтизмъ у нихъ въ крови.

— Охъ, головушка моя, — стонала Агафья.

— Какъ же вы, Агафья Петровна, не уберегли?

— Гдѣ же мнѣ съ моей толщиной за ними угнаться, и въ мысляхъ такого не было, анъ являются, — мужъ и жена.

О томъ, что было въ саду, она умолчала.

Поговоривъ о старинѣ, о покойникѣ, поплакавъ, они на томъ порѣшили, что сдѣланнаго не передѣлаешь, что теперь надо спасать дѣтское наслѣдіе и что Лиля черезъ годокъ-другой сама развода запроситъ и вернется въ родовое гнѣздо.

Вечеромъ позвали Семена и объявили молодымъ опекунское рѣшеніе. Лиля получала на руки материнскія три тысячи рублей и больше ничего.

Семенъ противился, но незнаніе законовъ связывало ему языкъ. Юлій Юльевичъ припугнулъ его.

Лиля, дѣствительно романтически настроенная, воскликнула:

— Насъ прогоняютъ, Семенъ, я пойду за тобой повсюду.

Ляля съ воспаленными глазами стояла у стѣны, сжимая руки. Всей душой ей хотѣлось утѣшить сестру, но старинная гордость Юрьевскихъ баръ не позволяла, и, глядя на Агафью, на ея окаменѣвшее и непреклонное лицо, Лиля укрѣплялась въ своемъ гнѣвѣ.

Все это видѣла и слышала Танька, привыкшая вертѣться въ господскихъ комнатахъ, сидя въ своемъ любимомъ углу между печкой и шкапомъ; никто ея не замѣтилъ, а она развѣсила уши. Танька слабо понимала, что происходитъ, потому что говорилось много непонятныхъ словъ, потому что говорили быстро и взволнованно, и слишкомъ сложны были столкнувшіяся передъ ней человѣческія страсти, чтобы ея сонное сознаніе могло впитать ихъ и понять.

Но, странное дѣло, ей почему-то вспомнился Ванька въ ту жуткую ночь, когда на пожарѣ онъ

плясалъ и кривлялся на краю обрыва и вдругъ обнялъ ее и назвалъ «желанная», и смѣялся, радовался, что богачи горятъ.

Танька вспомнила, и глухая злоба возникла въ ея душѣ, безпредметная, безпорядочная, излившаяся въ тоскливый стонъ.

Этотъ стонъ услышала Агафья.

— Ахъ ты, подлая дѣвченка, — вскрикнула крестная, — ты подслушиваешь!

Схватила она ее за волосы, выволокла изъ комнаты и на кухнѣ, задравши юбки, такъ отодрала березовымъ вѣникомъ, что Танька долго послѣ почесывалась, а почтеніе и страхъ ея передъ крестной матерью возросли до восторга.

Долго въ эту ночь молилась и плакала Ляля, и на утро, когда молодые садились въ экипажъ, она, цѣлуя сестру, повторяла:

— Помни, что здѣсь твой домъ и что безъ н е г о ты здѣсь хозяйка.

Печальные наступили дни. Всѣмъ было грустно, досадно, неловко.

Юлій Юльевичъ закончилъ дѣла и уѣхалъ. Ляля все рисовала или пѣла грустныя пѣсни, наигрывая на старомъ роялѣ.

Въ это время лѣто разгулялось, соловей допѣвалъ свою пѣсню лѣниво. Зацвѣла липа; бабочки, пчелы и стрекозы по вечерамъ, не въ силахъ разстаться съ солнцемъ, кружились вихремъ въ его косыхъ лучахъ. Розы склонялись подъ тяжестью сочныхъ лепестковъ. Все рдѣло, все смѣялось въ восторгѣ жизни и осуществленной любви.

Танька тоже нашла свои никому невѣдомыя радости.

Она съ утра прокрадывалась въ кладовую и, пока Агафья Петровна, кряхтя, возилась съ кадками да махотками, исподтишка набирала за пазуху огурцовъ и сала толстыми ломтями и въ проковыренную булку накладывала загустѣвшаго меду.

Набравши харчей, она удирала на птичникъ, и, когда глухая птичница Акулина скрывалась въ избу варить пустыя щи, Танька длиннымъ прутомъ дразнила индюковъ. Радости ея не было границъ, когда раздраженная птица съ надувшимся гребнемъ и подвѣсками болтала, задыхаясь и грозно наступая на нее.

На птичникѣ поднимался страшный шумъ, а Танька хохотала до тѣхъ поръ, пока не начинала испытывать голодъ. Тогда, забравшись въ середину прошлогодняго омета, она медленно, смакуя и чавкая, поѣдала свои запасы; она даже похрюкивала отъ удовольствія и послѣ долго облизывала себѣ пальцы.

Еще любила она засѣсть въ платяной шкапъ и щупать мягкій шелкъ и атласные капоты, сохранившіеся отъ покойной барыни. Она съ наслажденіемъ нюхала смѣшанный запахъ табаку, камфоры и старинныхъ духовъ.

Или пробиралась на огородъ и, нарвавъ съ грядокъ цвѣтовъ, выкидывала ихъ въ канаву и растаптывала ногами. Зачѣмъ, съ какимъ чувствомъ она это дѣлала, Танька не знала, да и не думала объ этомъ; ни злобы ни коварства въ ея поступкахъ не было, а такъ — озорничала.

Насталъ на селѣ Престольный праздникъ; Танька вырядилась. Надѣла пунцовую сатиновую юбку на сборахъ, ярко-лазоревую выпускную кофту и такой же фартукъ, по которому барышня вышила большіе подсолнухи. Бѣлымъ платочкомъ повязалась и пошла въ церковь; въ церкви службы не слушала, а только вертѣлась — примѣчала, смотрятъ ли дѣвченки на ея нарядъ.

Какъ сталъ народъ расходиться, пошла и Танька, два раза по улицѣ шарикомъ прокатилась

и, по строгому наказу Агафьи Петровны, чтобы по селу не гулять, направилась къ калиткѣ усадебной ограды.

У калитки стояли ребята. Проходя, Танька на нихъ взглянула и почувствовала она, что духъ у нея захватило, въ глазахъ помутилось, и ноги не идутъ: среди ребятъ, выдѣляясь ростомъ, стоялъ Ванька Дѣдкинъ; онъ подбоченился, шапка набекрень, и видно, что развеселый.

Танька застыдилась, а онъ, ухмыляясь, выговариваетъ:

— Не бойсь, проходи, красная дѣвица.

Она пошла мелкими шажками, юбка колоколомъ, ручки подъ фартукомъ заложены, а глаза въ землю.

— Да вѣдь это-жъ Лукьянова Танька, — крикнулъ красавецъ, — моя нареченная! Ишь, какъ выправилась, да и нарядъ на ней!

А она едва дышетъ, мимо, да въ калитку и слышитъ позади себя дерзкій Ванькинъ голосъ, знакомый и сердцу милый:

— Въ людяхъ живетъ? Эхъ, Танька, Танька!..

И непонятно, укоръ-ли былъ въ его словахъ, похвала, или ревность. Впрочемъ, дѣвушкѣ, можетъ быть, понятно — онѣ знаютъ многое смутное, чего никто иной не разбираетъ.

Слова прозвенѣли словно бы зрящія, а на Таньку навели тоску; встрѣча привела ее въ смятеніе — и радовала и мучила.

Нареченной ее назвалъ! А что, какъ въ насмѣшку? Самого-то вѣдь не узнать, — парень хоть куда.

Танька въ волненіи, а на село пойти не смѣетъ. Промучилась она до вечера, а въ сумеркахъ сбѣгала къ дивчатамъ, и сказали ей, что Ванька Дѣдкинъ съ завода на праздникъ пріѣзжалъ на лошади съ приказчиковой хозяйкой, что, пока она у лавоч-

ника, родственника своего, чай распивала, Ванька съ ребятами постоялъ, да послѣ сѣли они со своей кралей въ телѣжку и уѣхали. А лошадь сытая, да сбруя наборная, а она-то въ шелку, а Ванька въ плисовыхъ шальварахъ. Вишь какой!

Танька смолчала, но образъ его снова запалъ въ ея душу, и съ этого дня она измѣнилась, на птичій дворъ бѣгать перестала, покорно чулокъ вязала, и появилась у нея стыдливость.

— Вотъ Танька и выросла, — сказала Агафья Петровна, — теперь самая порка какъ разъ начнется.

Ляля по сестрѣ скучала. Смѣшанныя чувства гнѣва и жалости мучили ее. Было совѣстно, что Лиля страдаетъ, что Лиля въ нуждѣ, но что она можетъ быть замужемъ счастлива — этого и въ голову не приходило.

Гордость заставляла Лялю молчать. Она и сама не понимала, откуда взялась эта дьявольская гордость. Воспитаны онѣ равно, въ свободныхъ понятіяхъ, а родства съ проходимцемъ она перенести не можетъ. И еще очень Лялю въ гордости поддерживала Агафья Петровна, возставшая такъ убѣжденно и сурово, безъ жалости къ своей питомицѣ.

Домна сказала Лялѣ:

— Зря вы противъ нея поднялись, развѣ можно надъ сердцемъ измываться? Богъ тебя накажетъ.

Въ началѣ іюля въ Старо-Юрьевскомъ вѣдьмы стали сильно пошаливать, то и дѣло подъ луною человѣка захватятъ и мучаютъ до утра. Портниху мѣстную, изъ мѣщанскаго сословія, такъ извели, что она недѣлю хворала.

Вѣдьма ни за что не убьетъ, только мучаетъ, привяжется оборотнемъ, собакой или свиньей и не пускаетъ идти, все поперекъ бѣжитъ, стонетъ, хрю-

каетъ, а то поднимется на дыбки и лапы на плечи кладетъ. И нѣпремѣнно въ это самое время филинъ кричитъ, этакъ жалобно, по младенчески, а поверху рѣютъ летучія мыши. И бываетъ это въ самое полнолунье.

Этимъ годомъ іюль подступилъ тревожный; послѣ долгаго зноя разразилась гроза, сухая, безъ дождя, да такая, какой старожилы не запомнятъ. На дорогѣ двухъ прохожихъ убило: инока, что на построеніе храма собираетъ, и съ нимъ городского человѣка, — кто такой, Богъ вѣдаетъ. На обгорѣвшемъ трупѣ остались штиблеты городскіе, да на землѣ нашли очки и остовъ отъ кошелька. Другой лежалъ, прижимая къ груди жестяную кружку, въ ней мѣдныя и серебряныя деньги, и посохъ съ желѣзнымъ концомъ валялся подлѣ. Ихъ похоронили, гдѣ двѣ дороги расходятся, и крестъ поставили.

Гроза сломила большое, старое дерево въ саду у Юрьевскихъ господъ и высокій ометъ прошлогодней соломы въ полѣ.

Въ самый тотъ день, какъ только удары грома утихли и къ вечеру по краю неба колыхали зарницы, началось наказаніе Божіе.

У Митрошиныхъ, у богачей, на «Низу» упала женщина въ холерѣ, та самая Маша молодая, что изъ бѣдной семьи Митрошина сынъ за себя бралъ. Къ ночи и померла.

Не успѣли ее схоронить, какъ разразилась холера въ пяти домахъ и больше не покидала села.

Въ это лѣто сильный былъ урожай на баштаны, арбузы и огурцы поспѣвали ворохами, и народъ жралъ безъ удержу. И какъ объявилась холера, все равно жрали, и никакіе печатные листы, никакія угрозы урядника, ничего не помогало — жралъ народъ огурцы да еще приговаривалъ: — «а коли помирать, такъ ужъ передъ смертью огурчиковъ поѣмъ, они вѣдь постные».

Холеру занесли со станціи, а туда привезли ее съ Волги. И расползлась она по всему уѣзду, захватила сосѣдній, ползла и ползла безъ удержу, безъ пощады.

Въ Старомъ-Юрьевскомъ мерли по двое и по трое въ сутки.

Ляля встрепенулась. Бѣдствіе ударило по ея уснувшему сердцу, она захотѣла принять участіе въ жизни. Съѣздила къ опекуну и вернулась съ новыми силами.

Юлій Юльевичъ, не столько изъ добродѣтели, сколько надѣясь излѣчить Лялино горе, позволилъ осуществить ея желаніе.

Открыли давно заколоченный нижній этажъ дома, гдѣ не бывала нога человѣческая съ самой смерти барыниной. Гулко раздался голосъ жизни въ высокихъ комнатахъ съ заплѣснѣвшими портретами, съ зеркалами, почернѣвшими отъ сырости, и разбухшей мебелью.

Время было знойное, всѣ окна открыли, и въ забвенныя стѣны ударило жаромъ и солнцемъ. Густая пыль снималась пластами. Ляля съ Танькой принялись за уборку. Агафья Петровна бродила, мыслями ушедши въ старину, въ былые дни, и часто передъ шкапчикомъ или картиною глаза ея наливались слезами.

И ходила старуха отъ портрета къ портрету и говорила, шептала, вспоминая счастливую юность и времена барскаго расцвѣта. Но Ляля не слушала ее, она пылала своей идеей.

Въ забытыхъ комнатахъ, куда никогда не ходили дѣти, гдѣ послѣднимъ смѣхомъ прозвучалъ голосъ расцвѣтшей отъ мужниной ласки женщины, въ этихъ просторныхъ комнатахъ, гдѣ красавица Агаша повстрѣчалась съ молодымъ и страстнымъ бариномъ, гдѣ любили, гнѣвались и помирали дѣды и прадѣды Юрьевскаго рода, теперь расположатся чужіе люди, внесутъ съ собою шумъ жизни, и, мо-

жетъ быть, будетъ страдать и молча плакать духъ прошлаго.

Ляля открывала въ нижнемъ этажѣ своего дома врачебный пунктъ.

Три дня она боролась съ упрямствомъ Агафьи; та даже въ толкъ взять не могла, чего желаетъ барышня, и какой-такой пунктъ, какихъ-такихъ врачей?

— Да ты знаешь-ли, почему низъ заколоченъ? Да вѣдь тамъ покойники твоей матери являлись, вѣдь души-то ихнія тамъ бродятъ.

И говорила Агафья, что грѣшно впускать чужихъ людей, что и папаша бы не позволилъ и что Ляля бѣду на домъ накликаетъ.

Ляля спорила и побѣдила.

— Твоя барская воля — съ досадой сказала, наконецъ, Агафья, — мнѣ что, — я слуга.

Взяла ключи и своими собственными руками съ силою рванула разбухшую парадную дверь.

Убрали изъ комнатъ старую мебель, сняли портреты, и деревенскіе маляры заново красили стѣны.

Бѣлая известь льется съ кисти, заливаетъ полъ, брызжетъ на Танькино платье.

— Ишь ты, Татьяна Лукьянна, — говоритъ молодой маляръ, — красива горница-то бѣлая, а то, глядите, темень была какая. А для ча это барышня ремонтъ завела, али замужъ идетъ?

— Ахъ и придумаете — замужъ въ такое-то время. Барышня насчетъ холеры занялась, будутъ здѣсь дохтура и сидѣлки.

— Э-э, — говоритъ маляръ, — а на мое разумѣніе холера-то отъ дохтуровъ и есть. Намедни поповскій сынъ пріѣзжалъ, сказывалъ, въ Царицынѣ люди сотнями мрутъ, а все оттого, что дохтура въ колодцы отраву подсыпаютъ.

— А на что?

— Вѣстимо на что, ихній хлѣбъ въ болѣстяхъ.

Танька плечами пожала. Ей и не интересно, кто болѣзнь подсыпаетъ, а нравится ей, что въ домѣ возня, что люди ходятъ, вещи носятъ и что Агафья Петровна за хлопотами о ней позабыла. И Танька бѣгаетъ, куда хочетъ.

Танька вытянулась, вышла тонкая и въ бедрахъ круглая, а впереди, подъ кофтой торчатъ два круглыхъ, маленькихъ полушарія. Коса у нея подросла, толстенькая лежитъ между лопатками и лентой перевязана. Лицомъ Танька круглая, смуглая, носикъ у нея чуть кверху, и удивленно, какъ прежде, глядятъ ясные каріе глаза, словно новенькія копеечки, и рѣсницы золотой полоской вкось загибаются.

А какой у Таньки ротъ — никто не видалъ, видали только улыбку. Она постоянно улыбается, комнаты ли убираетъ, чулокъ ли вяжетъ или слушаетъ наставленія крестной, — все улыбается. А если не улыбается, такъ хохочетъ. Такая выровнилась веселая, милая дѣвушка, шустрая и шаловливая; но шалости свои такъ шито-крыто ведетъ, что комаръ носа не подточитъ.

Когда люди пошли обѣдать, и маляръ съ ними, она ему въ бѣлила на дно ведра сажи намѣшала. Сама ушла наверхъ барышнины чулки штопать.

Агафья говоритъ:

— Всѣ внизу работаютъ, а ты, бѣлоручка, тутъ сидишь. Ступай окна мыть!

Танька улыбается:

— Не пойду я, крестная, тамъ мужиковъ набралось, пристаютъ да всякое говорятъ.

— Ишь, тихоня сыскалась, — молвила Агафья, въ сущности довольная.

Маляръ, понятно, догадался, кто ему сажи намѣшалъ, но принялъ это за игру и ухмылялся съ удовольствіемъ. Вечеромъ, встрѣтивъ Таньку у

воротъ, онъ звалъ ее «на улицу» погулять; она прыснула въ передникъ и убѣжала.

Танька хоть выросла, но съ мальцами не гуляла и объ нихъ не думала. Жила у нея въ душѣ забытая, смутная памятка, сердце ея помнило мигъ опьяненія, сверкающую ледяную гору, радостный полетъ. И уснувшій свѣтилъ ледяной блескъ въ юномъ сердцѣ, но не согрѣвался, не таялъ.

И въ озорной, въ дерзкой улыбкѣ ея свѣтилась зима.

Жутко на селѣ, возлѣ смерти жить не хорошо; люди были угнетены, и каждый опасался за свою жизнь.

Уборка шла вяло. Вдобавокъ, что ни день, какъ время къ обѣду подойдетъ, такъ ливень; снопы въ копнахъ взопрѣли.

Бабы сумрачно молчатъ передъ Божьей карой, мужчины пьютъ горькую, — все равно помирать.

И только беззаботныя дѣвки, убѣгая отъ тяжкой думы, въ погонѣ за смѣхомъ, собираются подъ лучами мѣсяца, на краю господскаго сада, возлѣ кладбища и тамъ гурьбою бродятъ по лугу или пляшутъ и негромко пѣсни поютъ.

Стала къ нимъ Танька бѣгать. Изъ дому выскочитъ, оглянется — нѣтъ ли гдѣ крестной — и побѣжитъ, а передъ ней на свѣтлой дорожкѣ тѣни мечутся, точно сѣть ее уловить готовится, а кусты серебромъ отливаютъ, и будто въ нихъ кто хоронится.

Танька жмется, вздрагиваетъ, а въ небо взглянетъ, — тамъ тонкій двурогій дразнится. Танька пуще побѣжитъ и негромко аукнетъ; дѣвки отвѣчаютъ, и разомъ страхъ пропалъ — и тѣни не страшны, и мѣсяцу сама смѣется.

На лугу онѣ хороводы водятъ, бѣгаютъ въ горѣлки, а то сядутъ кружкомъ и про чертей да про

колдуновъ разговариваютъ, только шопотомъ, и прямо «его» не упоминая.

— Попляши, Танюша, какъ намедни плясала, — просятъ ее.

И Танька пойдетъ русскую, да не ту, что въ деревнѣ бабы топчутъ, а плавную, да съ присѣданіемъ, да въ кругъ, съ платочкомъ, какъ барышни ее учили.

Танька носится надъ поляною легко, легко, руками машетъ, фартукъ вьется словно крыло, и чудится, что большая стрекоза подъ звѣздами рѣетъ надъ душистой травой.

А вокругъ дѣвки съ пѣсней заходятъ, широко по краю, одна за одной, беззвучно, стройно и по воздуху бьютъ сорванными вѣтвями.

И если бы проходилъ одинокій путникъ, усталый отъ долгой дороги, и смыкались бы очи его отъ зноя и пыли, то не повѣрилъ бы онъ, что это дѣвушки собрались съ села, а застылъ бы въ оцѣпенѣніи передъ ночными играми русалокъ.

Танька страсть какъ смѣла; ничего дѣвченка не боится. Поспорили съ ней подруги, что не пойдетъ она въ полночь по кладбищу:

— Нѣтъ, — говоритъ, — пойду.

И пошла; руки за фартукъ заложила, чтобы кто не схватилъ, и съ пѣсней пошла ходить между могилъ.

Дѣвки сдвинулись гурьбой и дивятся. А Таньку духъ шалости подстрекнулъ: «дай-ка, я ихъ попугаю». Взобралась на высокую могилу, руки подняла да какъ прыгнетъ въ канаву — и исчезла у подругъ изъ глазъ.

Онѣ съ крикомъ побѣжали назадъ, — знать покойникъ Таньку въ могилу засосалъ.

Она же по канавѣ ползкомъ, мимо сада и вышла на другомъ концѣ села, у самой той плотины, куда дѣвочкой мусоръ выкидывала.

— Дай, — думаетъ, — къ маменькѣ въ оконце загляну.

Только на плотину поднялась, на нее лохматая черная собака этакъ лапами, лапами и скулитъ тихонечко и никакъ не пускаетъ. Танька ужъ и хитростью и силой, — ничего не беретъ; собака мечется, прыгаетъ и даже ласково хвостомъ виляетъ, а идти не пускаетъ.

Вдругъ двѣ женщины быстро, быстро подошли, за руки берутъ, къ ней наклоняются и говорятъ:

— Своя, двухъ годовъ не пройдетъ, съ нами будешь; тоже душа непокойная.

Танька плюнула, а онѣ еще ближе; она ихъ будто узнаетъ и не знаетъ. Льнутъ онѣ къ ней, льнутъ, подруженькой называютъ.

На концѣ плотины показался человѣкъ, вѣдьмы къ нему перекинулись, двѣ свиньи побѣжали.

Танька твердо знала, что вѣдьмы воды боятся; мигомъ платье скинула да въ прудъ и поплыла; и ужъ если кто видѣлъ въ эту ночь русалку въ пруду, такъ, вѣрно, не обманулся.

Врачи пріѣхали. Было ихъ трое. Окончившій одинъ, остальные студенты и съ ними двѣ сестры.

Были они молодые, шумливые, вошли, будто не разъ ужъ въ домѣ живали, разсѣлись по кресламъ, все по своему перемѣстили. На Лялю не обратили никакого вниманія. Агафью Петровну «тетенькой» звали.

— Тетенька, — сказалъ одинъ изъ нихъ, — мы сутки не жрамши, дай ты ужъ намъ поѣсть.

Агафья, какъ услыхала «не жрамши», такъ у нея съ души отлегло, — это молъ не господа, на которыхъ вари разносолы да цыплятъ подавай.

И сейчасъ же она на людскую послала за щами, отрѣзала полъ хлѣба и зажарила имъ глазунью;

и пока студенты ѣли, старая Агафья убѣдилась, что не сутки, а вообще-то они «не жрамши», и стало ей ихъ даже жалко.

Самый молодой, русый такой да хорошенькій, ласково спросилъ, нельзя ли къ яичницѣ винца, и другіе закричали:

— Это, тетка, на холерѣ необходимо. Средство обеззараживающее.

Водку подали. Танька подносила въ большихъ рюмкахъ. Когда сестрицы милосердныя, точно какъ и студенты, поопрокинули свои рюмки въ глотку, да еще одна изъ нихъ крякнула по мужицки, Танька фыркнула.

— Ду-у-ра, — молвила крестная, стоявшая тутъ же для порядка.

А студенты захохотали и говорятъ:

— Марья Харлампьевна, дѣвушка-то вашего спрокидончика испугалась.

Говорили они всѣ вмѣстѣ, громко и невнятно, курили не переставая, такой дымъ изъ оконъ пошелъ, что Агафья даже встревожилась, какъ бы караульный сослѣпу не обманулся и не ударилъ въ набатъ.

Курили всѣ, женщины и мужчины.

Много на своемъ вѣку Агафья видывала, и любви, и ненависти, и всякой человѣческой хитрости да обмана, а этакого народа не встрѣчала.

И чуетъ она, что ребята они незлые и ладить съ ними можно, но что поведенія они непристойнаго, и какъ Ляленька съ ними поладитъ — очень ее безпокоило.

На другое утро студенты ушли на село и не возвращались до вечера.

Насчетъ Ляли сами вывели изъ затрудненія; старшій сказалъ:

— Вы, тетенька, здѣшней барышнѣ скажите, чтобы она къ намъ не подходила, потому что мы

хоть и моемся, а все-жъ таки заразные. А намъ, чтобы разрѣшила вечеркомъ въ саду гулять.

И съ радостью имъ Агафья позволила все, чего бы они ни попросили; очень она была довольна, что сами же они съ барышней не желаютъ знаться.

Агафья Петровна полюбила ихъ за то, что они знали свое мѣсто и что работники они здоровенные; съ утра бѣгутъ и, не ѣвши до самаго вечера, холеру выметаютъ.

Она уже имъ и куръ подаетъ и поросеночка, а утромъ до свѣту подымется, велитъ самоваръ ставить да булки имъ испечетъ. Агафья умѣла людей цѣнить по достоинству:

— Этакому работнику двойная порція, — говорила она.

Но Таньку къ нимъ не допускала — «потому они изъ простыхъ — и все ребята ражіе, долго ли дѣвченку къ стѣнѣ припереть, она и пропащая».

И сидѣли Танька съ Лялей наверху. Ляля сгорала отъ нетерпѣнія и досады. Она-то воображала, что врачи ея помощь примутъ, хотѣла пользу приносить, а они ее и знать не желаютъ; и вся затѣя и студенты, все ей опротивѣло. И она рисовала, рисовала, сидя у окна, фантастическіе цвѣты и птицъ съ завитыми хвостами и всякія небывалыя существа.

Танька сидитъ возлѣ и разговариваетъ:

— Барышня, а, барышня, у студента, что ростомъ поменьше, за старшого у нихъ, такъ у его носковъ вовсе нѣту, штиблеты на босу ногу надѣваетъ; а у другого, у черномазаго, у его уши не человѣчьи. Ой, страсти!

— Таня, замолчи, — говоритъ Ляля съ раздраженіемъ.

Танька не боится. Она барышню въ злобу вгонитъ, сама выскользнетъ изъ дому да побѣжитъ въ яблочный сарай.

— Да я молчу, — продолжаетъ она, — а только боязно, коли уши не человѣчьи; може онъ оборотень...

— Ахъ ты, Господи, я и забыла Вамъ сказывать, — Маша-то, черничка, молоденькая-то, вѣдь родила...

— Уходи, уходи вонъ, — кричитъ Ляля, хватаетъ и швыряетъ книгу вслѣдъ убѣгающей Танькѣ и, не зная куда излить гнѣвъ, она рветъ рисунки, швыряетъ стулья и, схвативъ старинную китайскую вазу, полную осеннихъ розъ, со всѣхъ силъ бросила ее объ полъ.

Разлетѣлся на куски тонкій синій фарфоръ, и попадали на осколки алыя розы.

А надъ вазою Ляля расплакалась, и рыдала она у Агафьи въ колѣняхъ и уже безъ гнѣва шептала:

— Таня говоритъ, что студенты безъ носокъ; дай ты имъ изъ папашиныхъ, изъ лѣтнихъ.

Въ одинъ душный августовскій полдень къ Антоньевскому монастырю подъѣхала ямщицкая бричка. Въ ней сидѣла дама подъ густымъ вуалемъ. Она вызвала Домну, и Домна тихо ахнула, увидѣвъ ее, и, прильнувъ, поцѣловала нѣжно.

— Что же ты не домой, Лиленька, — спросила Домна, — тамъ тебя давно ждутъ.

— Ждутъ?

У Лили появилась жалкая улыбка.

— А мнѣ совѣстно. Я одна не хочу, Домна, голубушка.

Домна отпросилась и поѣхала съ ней.

— А у васъ новости, полный домъ студентовъ, — говорила Домна.

—Студентовъ? — удивленно спросила Лиля, и подъ вуалью глаза ея засвѣтились любопытствомъ.

Домна предложила бричку отпустить за садомъ и дойти пѣшкомъ.

Не торопясь они пошли по дорожкѣ. Лиля радостно встрѣчала каждый кустикъ. Вдругъ она увидѣла обгорѣвшій пень отъ спаленнаго молніей дерева. У нея покатились слезы по щекамъ:

— Послѣдній былъ старый тополь, какъ папаша.

Дома Ляля висѣла въ окнѣ и кричала дѣвушкамъ, проходящимъ мимо съ яблоками въ подолахъ:

— Не ѣшьте сырья, неужто охота помирать?!

И вдругъ увидѣла сестру и вскрикнула; отъ сердца въ колѣни у нея перекинулась слабость, она остановилась, но сорвалась въ дверь, съ лѣстницы и на садовой дорожкѣ прильнула со смѣхомъ и съ плачемъ къ сестрѣ.

Старый, круглый чайный столъ попрежнему былъ уставленъ вареньемъ, масломъ, булочками. Агафья стояла, подперши рукой щеку, и глаза ея говорили: — ну вотъ, и вышло по нашему, по стариковскому.

Лиля похудѣла, у ея рта появились горькія морщинки, въ голосѣ хрипота. Потягиваясь въ креслѣ, она медленно ѣла густое варенье со сливками, порой оглядываясь.

— А Семена мать хорошая женщина, мы съ ней подружились; ей тоже доставалось.

— Лиля, онъ тебя билъ?

— Билъ, — отвѣчала Лиля съ улыбкой, — въ нетрезвомъ видѣ. Такъ то онъ тихій, только постоянно пьетъ. Послѣ кается и опять пьетъ... Ужъ я больше не могла терпѣть...

Танька съ любопытствомъ смотрѣла на замужнюю барышню и, качая головой, со своей неизмѣнной улыбкой шептала:

— Всѣ, знать, дерутся, все равно, что съ барышней, что съ мужичкой.

Ляля съ Лилей, снова обнявшись, бродили по старому саду, раскидывая шуршащіе желтые листья; въ цвѣтникѣ осеннія астры пригорюнились, а пчелы легкія, съ малымъ взяткомъ, злобныя, быстро пролетали, ударяясь въ лицо.

Сентябрь наплылъ золотой и тихій, ясный воздухъ порѣдѣлъ, и видать было далеко. Жужжала молотилка. Въ полѣ допахивали пары. Холера утихала.

У Агафьи дружба со студентами окрѣпла; по вечерамъ она сидѣла съ ними на крыльцѣ и разсказывала про старину, про то, какъ и прежде холера бывала, да и кончалась безъ докторовъ, отъ одной молитвы и какъ люди жили праведно и не курили этакъ вотъ до копоти, а ужъ женщины вовсе и думать не смѣли о папиросѣ.

Лиля стала по вечерамъ выходить одна, бродила по саду и постоянно ей встрѣчался черномазый студентъ, тотъ, у котораго уши не человѣчьи, кавказецъ съ орлиннымъ носомъ и жгучими глазами навыкатѣ. Не скрываясь, онъ жилъ съ сестрой милосердною Марьей Харлампьевной, какъ съ женой, а теперь, какъ заходилъ вокругъ Лили, его подруга начала ревновать, и часто въ нижнемъ этажѣ раздавалась брань.

У Лили зато глаза сіяли тѣмъ выраженіемъ безсмысленнаго счастья, какое въ первый разъ осѣнило ее, когда она плакала, погружая лицо въ цвѣтущую сирень.

И вышло такъ, что послѣ крупной ссоры Марья Харлампьевна наняла на селѣ лошадей и уѣхала, а Лиля съ грузиномъ, не стѣсняясь, бѣгали вмѣстѣ въ садъ, и часто она заходила къ нему въ комнату и возвращалась поздно ночью наверхъ.

Скоро и студенты уѣхали. Кончилась холера, забравши не одну сотню юрьевскихъ мужичковъ.

На селѣ прибирались послѣ покойниковъ, бабы выли, и скучное и молчаливое стояло село.

И у господъ были похороны; скончался Яша-старикъ, не сталъ онъ жить безъ своего барина.

Черномазый студентъ не уѣхалъ съ другими, остался и къ чаю сталъ ходить къ барышнямъ наверхъ. Агафью Петровну онъ плѣнилъ простотой и непритязательностью. Ляля ни во что не вмѣшивалась и, когда ей ужъ очень тошно приходилось, уѣзжала въ монастырь и живала тамъ по два и по три дня.

Домна о Лилѣ молчала, только одинъ разъ, когда ужъ очень ей Ляля досаждала, проговорила:

— Грѣхъ-то оно — грѣхъ, только не жилица она.

Ляля испугалась и, присматриваясь къ сестрѣ, замѣтила, что, дѣйствительно, лицо у Лили осунулось, подъ глазами пошли круги, и все она кашляла.

Холера не миновала и сахарный заводъ: поденные занесли.

Доримедонтъ Васильевичъ, человѣкъ бывалый, строго-настрого женѣ и Ванькѣ и конюхамъ приказалъ, чтобы никакого сырья въ ротъ не брать, а самъ купилъ огромный самоваръ и велѣлъ Фросѣ постоянно въ избѣ чай наготовѣ держать, чтобы людямъ подавать безъ отказа, а сахаръ за свой счетъ покупалъ. Самъ съ конюхами пошелъ на огородъ, всѣ огурцы, всякую зелень снялъ, сложилъ на подводу, свезъ къ рѣкѣ да и побросалъ. И выходило такъ, что Доримедонтъ правъ, — по хуторамъ болѣзнь уже разразилась, а у него всѣ благодаря Бога здоровы.

Но ужъ Евфросиньѣ Никитичнѣ не въ моготу лишеніе переносить.

Однажды, уморившись вокругъ самовара, взяла она ковшъ да тихонько отъ мужа выпила холодненькой водички изъ колодца. Выпила и на другой

день и на третій и видитъ, что никакая болѣзнь ее не беретъ. Она стала надъ мужниными строгостями смѣяться.

— Ваня, а, Ваня, — попросила однажды Фрося, — сходи, голубчикъ, на село да принеси милушкѣ своей огурчиковъ свѣженькихъ, — страсть охота.

У Евфросиньи была одна сила надъ Ванькой — тѣло ея. Малый пристрастился къ ея крѣпкому, пахучему тѣлу. Чуть что, она уходитъ за перегородку, а онъ скулитъ, скулитъ и ради ласки уступитъ во всемъ.

— Дьяволъ, что-ли, въ этой бабѣ засѣлъ, — думалъ Ванька, — клещами держитъ.

И говорить-то съ ней тошно, и порою злоба имъ овладѣваетъ, а какъ найдетъ минута, такъ зубами скрежещетъ, покамѣстъ на Фроськѣ рубаху не задеретъ.

Запросила баба огурцовъ; Ванька хоть и очень довѣрялъ Доримедонту — принесъ; самъ не ѣстъ, а только смотритъ, какъ она штукъ пять слопала подрядъ, бѣлыми зубами такъ и хруститъ.

Ванька заложилъ щеколду, взялъ Фроську да съ такою страстью измялъ, какъ еще съ нимъ не случалось.

Только Фрося поднялась, улыбаясь отряхнулась, какъ лицо у нея вдругъ посинѣло, перекосилось, стала она рвотой надрываться и упала въ судорогахъ.

Ванька долго не раздумывалъ, вещи свои связалъ, сто рублей денегъ заложилъ за голенище, взялъ шапку и, не глядя на подругу, за дверь и прочь пошелъ.

Ни разу не остановился, пока до желѣзной дороги не дошелъ. Купилъ билетъ третьяго класса и поѣхалъ. И спалъ Ванька на верхней полкѣ двое сутокъ. Пріѣхалъ въ Москву и за народомъ вышелъ на площадь.

У вокзала съ ранняго утра оживленіе, мужики и господа снуютъ, носильщики тюки таскаютъ, гремятъ ломовики и между собой крѣпкой бранью перекликаются. Ванька, было, немного ошалѣлъ отъ новизны, но, заслышавъ знакомые звуки русскаго словца, онъ повеселѣлъ, подошелъ къ будкѣ и купилъ себѣ хлѣба и колбасы. Примостившись на тумбѣ, онъ поѣлъ и сталъ раскидывать умомъ.

Въ это время поверхъ городского шума ударилъ колоколъ, а за нимъ другой и третій, и вся столица загудѣла на разные, между собой сливающіеся голоса. И у Ваньки душа заиграла, стало ему жутко и радостно принимать участіе въ жизни большого города.

Какая-то барыня вышла съ вокзала, за ней вынесли много ящиковъ. Носильщики ящики поставили и бѣгутъ обратно въ вокзалъ; барыня сердится, кричитъ:

— Куда вы, ставьте на ломового.

— Никакъ невозможно, — отвѣчаютъ носильщики, — курьерскій подходитъ, обождите маленько.

Увидѣвъ это, Ванька скинулъ свой мѣшокъ и отдалъ его торговкѣ на сохраненіе, а самъ схватился за ящики и по своей деревенской простотѣ, поднимая одинъ цѣлый ящикъ, принялся ихъ какъ перья на телѣгу вскидывать. Барыня на него залюбовалась.

— Ты кто такой?

— Никто, пріѣзжій.

— Имя-то у тебя есть?

— Есть, Ванькой звать.

— Дурень же ты, а фамилія?

— А кто ее знаетъ, въ деревнѣ Дѣдкинымъ прозывали.

— Да ты, можетъ статься, безпачпортный, — документъ у тебя есть?

— Чаво?

— Бумага есть, гдѣ прописано, кто ты и откуда?

— Нѣту.

— Да ты ужъ не бѣглый ли какой?

— Я-то?

— Ты-то.

— Не-е.

Барыня была нрава веселаго и съ характеромъ, и заставила она Ваньку про себя разсказать. Онъ все и выложилъ про деревню и про то, какъ на хуторѣ служилъ, и что затосковалъ и ушелъ, только — не будь дуракомъ — насчетъ холеры ни полъ слова.

Она ему и говоритъ:

— Пачпортъ я тебѣ выправлю, коли хочешь, иди ко мнѣ служить. Ты малый ловкій, и положу я тебѣ двѣнадцать рублей на всемъ готовомъ, чай и сахаръ; да у меня въ домѣ контора, доходъ большой.

Ванька согласился. Пошелъ за мѣшкомъ, но ни мѣшка ни бабки не нашелъ.

— Дуракъ же ты, — говоритъ ему барыня, — развѣ можно вещи довѣрять кому попало. Теперь ищи мѣшокъ по всей Москвѣ.

Ванька сплюнулъ:

— А ну его къ чортовой матери! Авось другой наживу.

Сѣлъ съ вещами и поѣхалъ къ барынѣ.

Оказалась она богатой купчихой. Собственный у нея домъ доходный, а во дворѣ палисадникъ и особнякъ, и при немъ контора.

Ванькѣ подвезло. Передала его хозяйка старшему дворнику; сталъ Ванька дрова носить и дворъ чистить. Купчиха велѣла не ставить его къ большому дому, а къ своему помѣщенію.

Ѣлъ Ванька въ дворницкой и пищей остался доволенъ, и очень ему нравилась новизна.

Ванькѣ приглянулась горничная въ купеческомъ домѣ, вертлявая, востроглазая, на головѣ бѣлый чепчикъ, а фартукъ складчатый. Звать ее Дуняшей. Постоянно она смѣется или пѣсни поетъ. Какъ постирушка, такъ она кличетъ:

— Иванъ, затопите малый котелъ, тутъ у меня мелочей набралось.

Ванька наноситъ хорошихъ березовыхъ дровъ, натопитъ жарко и говоритъ:

— Къ услугамъ, Авдотья Петровна, пожалуйте въ баньку.

Ванька скоро привыкъ ко всему городскому и вошелъ во вкусъ.

Пришла зима; Ванька и не примѣтилъ, какъ пролетѣло время.

Бывало, хозяйка пошлетъ его съ запиской или въ лавкѣ вина забрать и скажетъ:

— А шипучки бери Уатъ-Старъ, не переврешь?

— Никакъ нѣтъ, ватстарки возьмемъ.

Шапку набекрень и пошелъ Ванька по Москвѣ, прохожихъ толкаетъ, съ барышнями переглядывается, въ магазины глядитъ. Вина заберетъ да на извозчика, притомъ свистнетъ залихватски; корзину подъ полость, а самъ ловко въ саняхъ бокомъ сидитъ да покуриваетъ.

Изрѣдка по праздникамъ Ваньку отпускали гулять. Онъ отправлялся на Воробьевы горы. Тамъ катанье; фабричные, приказчики, гимназисты и всякій вольный людъ на салазкахъ съ горъ скатывается, и такъ всѣ кричатъ и хохочутъ, что стонъ стоитъ. Всѣ московскія горничныя тамъ, и Дуняша съ кавалеромъ.

Пришелъ однажды Ванька на гору, полушубокъ на немъ хозяйскій, романовскій, шапка высокая. Онъ взялъ санки и примѣряется.

— Иванъ, — кличетъ его знакомый голосокъ, — и вы катаетесь?

— И мы, Авдотья Петровна, какъ же-съ.

Ванька по городскому выражается.

— Оченно пріятно; а меня прокатите?

— Съ нашимъ удовольствіемъ.

Ванька всталъ.

Дуняша по городскому одѣта, щечки розовыя, а изъ-подъ шапочки виситъ темная коса.

— Извольте познакомиться, Филиппъ Филиппычъ Сойкинъ, они мой женихъ, а это нашъ младшій дворникъ.

Сойкинъ протянулъ руку нехотя, отвелъ Дуняшу и говоритъ:

— Ты съ нимъ не ѣзди.

— Почему такое?

— А не желаю я, чтобы ты съ нимъ ѣздила.

— Почему-жъ такое? — кокетливо тянула Дуняша.

— Потому что я ревность испытываю.

— Это съ моей точки ужасное деспотство, — сказала Дуняша и, подбѣжавъ къ Ванькѣ, сѣла на его салазки.

Онъ примостился позади, толкнулся, и они понеслись съ высокой горы, какъ будто кинулись изъ поднебесья прямо въ развернувшуюся златоглавую Москву. Ванька руками сжимаетъ тонкую Дунину талію, подъ полозьями сверкаетъ ледяная дорожка, холодный воздухъ захватываетъ духъ.

И дрогнуло у Ваньки сердце, словно бы памятка, словно бы возвращенный сонъ, и разлилось тепломъ и смутной радостью.

Они докатились внизъ, санки замедлили, остановились, и памятка исчезла.

И стало Ванькѣ скучно на душѣ.

А тутъ еще Сойкинъ съѣхалъ, началъ къ нему приставать, съ какихъ-такихъ правовъ Ванька съ Авдотьей Петровной себѣ позволяетъ.

Ванька сжалъ кулакъ, помахалъ у Сойкина передъ глазами и говоритъ:

— Вотъ съ этихъ самыхъ правовъ.

Повернулся и пошелъ. Пошелъ мимо скучной монастырской стѣны въ трактиръ; тамъ собирались дворники и конторскіе разсыльные. Потребовалъ Ванька водки и въ первый разъ въ жизни напился пьяный.

Много въ трактирѣ говорили, кричали и дрались на кулачки; во всемъ Ванька участвовалъ, но ничего не помнилъ, а домой его товарищи отвезли и свалили въ дворницкой.

Старшій Ваньку не любилъ за то, что не его ставленникъ, и, желая повредить, объ его пьянствѣ доложилъ хозяйкѣ.

Ваньку позвали въ домъ; впервые онъ смутился. Неловко ему было ступать по свѣтлому ковру, неловко руки болтались, а въ глазахъ пестрѣла позолота. Дуняша его вела и хохотала въ фартукъ до самой гостиной.

Варвара Савишна — вдова; своими заводами и всѣми дѣлами управляла самолично; чудачка она большая, всякое дѣло разсудитъ по своему. Другая за пьянство выгнала бы вонъ, а Варвара Савишна рѣшила:

— Ежели ты въ дворникахъ запивать сталъ, такъ переведу я тебя въ комнаты, авось посовѣстишься, да и на моихъ глазахъ. Ты малый невредный.

Надѣли на Ваньку ливрею съ яснымі пуговицами, поставили въ передней, — шубы чистить, галоши подавать, карточки на подносъ носить, а порой приходилось и на козлахъ рядомъ съ кучеромъ по всей Москвѣ прокатиться, когда хозяйки выѣзжали въ каретѣ. Ванька на высотѣ сидитъ, рысакамъ въ хвосты смотритъ и думаетъ:

— Поглядѣли бы на меня наши юрьевскіе, чисто енералъ торчу.

Жила Варвара Савишна съ дочерью Лизанькой, разводкой лѣтъ тридцати, и внучка при нихъ дѣвчурочка, тоже Лизанька, маленькая, тоненькая и шустрая.

Домъ степенный, хозяйка ведетъ жизнь дѣловую и всѣхъ въ страхѣ Божіемъ держитъ. Выѣзжаютъ въ театръ и въ купеческіе дома — и все съ важностью.

Внучку очень балуютъ. Она и по бархатной мебели скачетъ и сласти изъ буфетной таскаетъ.

Въ первый же день, какъ Ванька сталъ въ передней, Лизанька прибѣжала на носочкахъ, стала противъ Ваньки и спрашиваетъ:

— Ты кто?

— Иванъ, человѣкъ.

— Тебя гдѣ бабушка взяла?

— На станціи.

— А ты маму видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Мама красивая.

— Вѣрно.

— Къ ней офицеръ ходитъ, сватается, да бабушка не велитъ.

— Ишь, ты...

Обошла вокругъ него:

— У тебя пятно на спинѣ, дай почищу.

Вытащила изъ кармана ножницы, отрѣзала у Ивана съ хлястика пуговицу и убѣжала.

Ванька и не замѣтилъ.

Зато замѣтила Варвара Савишна:

— Пуговица у тебя съ заду потеряна; тебя бы по хорошему мѣсту и отлупить, да не охота рукъ марать; помни же, коли явишься безъ пуговицы на переду, получишь въ рожу.

Это Ванькѣ по душѣ пришлось: — «чисто мужикъ», подумалъ онъ и долго ухмылялся, вспоминая съ симпатіей, какъ Варвара Савишна пошутила.

Путался Ванька въ своей новой должности недолго. Случилось, конечно, ему раза два посѣтителей, что въ контору шли, пустить въ квартиру, другой разъ одному господину дамскую шубу подалъ, а труднѣе всего было ему привыкнуть, что швейцаръ ему карточки передавалъ съ загибомъ. Онъ ихъ старательно расправлялъ, оставляя на бѣломъ картонѣ слѣды своихъ пальцевъ.

Но Варвара Савишна въ его обученіе сама входила, и Ванька живо смекнулъ. Притомъ новая должность ему понравилась — во-первыхъ, цѣлый день въ теплѣ, второе — на немъ штиблеты и куртка съ кантомъ, и харчи хороши, и все ходить по коврамъ.

Въ домѣ былъ молодой буфетчикъ, Ванька съ нимъ сдружился, и они вмѣстѣ распивали хозяйскія сладкія вина.

Мѣсяца не прошло, какъ Ванька выправился въ ловкаго лакея, именъ не путалъ, докладывать умѣлъ громкимъ голосомъ и дверь распахивалъ съ шикомъ, такъ что Варвара Савишна на него не нахвалится:

— Вотъ на вокзалѣ подобрала, а второго такого во всей Москвѣ не сыщешь!

Когда Ванька соплявымъ мальчишкой катался въ Юрьевскомъ на ледяшкѣ съ косогора, волосы его торчали прямыми, желтыми космами.

Но съ тѣхъ поръ самъ онъ измѣнился, и волосы его стали русыми, завились крупнымъ барашкомъ.

Въ купеческомъ домѣ Ванька научился смотрѣться въ зеркало. Когда хозяйки выходили, онъ становился передъ трюмо и, подолгу любуясь собой, рѣшилъ, что не дуренъ и что «очень у него морда задорная и ростъ правильный».

— То-то, — думаетъ, — Дюняша за мной увивается.

Но Дуняша ему опостылѣла. Съ того дня, какъ неслись они съ горы на Москву, какъ зашла ему въ душу тоска, не взлюбилъ онъ Дуняшу. Зато она стала къ нему льнуть.

— Пойди ты къ Сойкину, — говоритъ Ванька.

Она пуще льнетъ.

— Вотъ бабы! Чѣмъ ее больше ни гони, тѣмъ она больше ластится.

Ванька втайнѣ поглядывалъ на хозяйскую дочь, на разводку Елизавету Геннадіевну:

— Вотъ это такъ баба, круглая, крѣпкая, а дышетъ, словно перина подымается, ужъ чисто что купчиха.

Варвара Савишна, очень довольная Ванькиными талантами, перевела его къ столу, и тутъ онъ совсѣмъ изловчился. Блюда обноситъ по чину, по купечески, самъ въ перчаткахъ, движется легко и вино предлагаетъ, обернутое въ салфетку:

— Лафиту изволите ? . .

Такъ же ловко и остатки на ходу допиваетъ и хозяйскія папиросы куритъ со вкусомъ.

Случилось ему разъ прибирать вечеромъ въ столовой, и вдругъ въ дверяхъ зашуршало. Вошла хозяйская дочь; и ослѣпила она Ваньку своимъ видомъ: платье на ней было зеленое и со всѣхъ сторонъ обрѣзанное, шея голая, руки голыя, плечи голыя, и на ногѣ прорѣзъ.

Сѣла она на стулъ и говоритъ:

— Иванъ, подай мнѣ воды.

Ванька на подносѣ стаканъ подаетъ, а у самого отъ сердца кровь отхлынула. Купеческая дочь нагнулась за стаканомъ, да такъ, что Ванька все увидѣлъ. Она на него взглянула, онъ покраснѣлъ. Лизавета Геннадіевна тихимъ голосомъ говоритъ:

— Чего ты краснѣешь? Я женщина, а ты молодой мужчина, и не удивительно, что я тебѣ нравлюсь.

— Ну, — говоритъ, — поцѣлуй мнѣ руку, — и душистую руку ему ко рту приложила.

Ванька же, почуявъ свою силу, ту самую, передъ которой Фроська какъ сука скулила, голову потерялъ да, сжавши разводку въ рукахъ, поцѣловалъ ее въ голое плечо.

Она вырвалась, прошептала:

— Сумасшедшій, въ столовой!..

И убѣжала.

— Вотъ энта, — думалъ Ванька, — Дуняшкѣ не пара. Дуняша щуплая... А я-то каковъ!

Ванька браво схватилъ подносъ, нагруженный посудой, и съ сознаніемъ своей силы понесъ его на одной рукѣ, для равновѣсія покачиваясь на ходу.

Съ того дня такъ горничную онъ «щуплой» и величалъ, а съ Лизаветой они стали переглядываться; то онъ ее въ коридорѣ задѣнетъ, а она содрогнется отъ удовольствія, то за обѣдомъ, нагибаясь къ ней съ блюдомъ, Иванъ легонько проведетъ рукой по ея спинѣ. Однако, это было большою смѣлостью, потому что Варвара Савишна шашенъ не терпѣла между прислугой, а ужъ за такую дерзость, чтобы лакей, да съ ея дочерью, неизвѣстно даже, какое бы она придумала наказаніе.

Лизанька безъ материнскаго одобренія вѣнчалась первый разъ съ офицеромъ, и послѣ того, какъ онъ оказался шантрапой и мать ее живо развела, Варвара Савишна очень свою дочь оберегала, и второй офицеръ бывалъ въ домѣ тайкомъ, лишь когда хозяйка уѣзжала на фабрику.

Ванька сталъ на офицера косо поглядывать, и однажды, когда тотъ явился, онъ его не принялъ:

— Дома нѣтъ.

Лизавета Геннадіевна объ этомъ узнала и, только маменька выѣхала со двора, велѣла къ себѣ

въ будуаръ позвать. Онъ пришелъ, а она стоитъ въ прозрачномъ капотѣ, руки безъ рукавовъ за голову заложила:

— Какъ ты смѣлъ господина офицера въ домъ не пустить?

У самой смѣхъ въ горлѣ перекатывается и на губахъ дрожитъ.

Ванька въ злобу вошелъ, загналъ ее къ стѣнѣ, прижалъ колѣнями, дрожитъ и трется объ нее.

Лизавета Геннадіевна глаза закатила, прижалась къ его губамъ и шепчетъ прерывисто:

— Погоди, маменька уѣдетъ... уходи... уходи...

И вытолкала Ваньку за дверь.

Въ домѣ у Варвары Савишны бывали купцы степенные, неторопливые, все богачи и дѣловые люди съ бумагами, съ папками подъ мышкой. Для дочери никакихъ развлеченій. Маменька для нея второй бракъ задумала съ солиднымъ купеческимъ сыномъ. Лизавета женщина красивая, рыхлая, характеромъ вродѣ кошки, лѣнивая и пустая. Насчетъ брака она не противится, но безъ любви жить не можетъ и влюбилась со скуки въ Ваньку такъ, что даже похудѣла.

Дождались они праздника. Уѣхала мать въ Кіевъ по дѣламъ и Богу помолиться, — даромъ времени терять она не любила. Вмѣсто себя передала надзоръ въ домѣ своей теткѣ, чтобы та Лизавету стерегла, чтобы ни въ домъ никого не пускать ни ее изъ дому ни шагу, а «ежели насчетъ моціона, пусть по двору гуляетъ».

Только этого Лиза и ждала.

Въ первый же вечеръ тетка всѣ ходы и выходы позапирала, ключи подсунула къ себѣ подъ подушку и легла спать, не подозрѣвая, что воръ недалеко.

Только тетка уснула, Лиза дверь въ свою спальню отворила, а Ванька уже дожидался. За-

перлись они и одинъ къ другому кинулись, истомленные ожиданіемъ.

Растревожилъ Ванька купеческое тѣло и не отпускалъ ее до утра.

Днемъ Ванька своимъ дѣломъ занимается, Лизавета Геннадіевна пасьянсы кладетъ или гадаетъ, а то поѣдетъ съ тетенькой на Кузнецкій Мостъ кататься. А какъ ночь, Ванька опять у нея.

Она его сладостями кормитъ, кудрями его играетъ, называетъ Иванушкой-Дурачкомъ.

Три недѣли прожили они, какъ шальные. Къ пріѣзду Варвары Савишны Лиза похорошѣла, Ванька же лицомъ спалъ, и глаза у него ввалились. Варвара Савишна пытала, ужъ не запилъ-ли снова, — нѣтъ, говорятъ, парень живетъ смирно.

Пошло все по старому, какъ было до хозяйкинаго отъѣзда. Сначала они рады были, но скоро вернулась страсть, и въ тоскѣ другъ по другу они осмѣлѣли, и Ванька снова проводилъ у нея ночи.

У Варвары Савишны разболѣлся зубъ. Лѣкарей она терпѣть не могла и считала, что всякая боль переболитъ и съ человѣка соскочитъ. Дня два она крѣпилась, на третью ночь не выдержала, поднялась съ постели и пошла къ дочери за каплями.

Когда Варвара Савишна подходила къ Лизиной спальнѣ, ей показалось, что за дверью плачутъ. Она остановилась и прислушалась.

Въ это время утомленные Ванька съ Лизой собирались расходиться, онъ уже было ключъ въ двери повернулъ, но она въ спущенной съ плеча рубашкѣ, вся теплая и мягкая отъ сладостнаго чувства благодарности обняла его и прильнула губами къ его шеѣ.

Иванъ почувствовалъ острый запахъ любви, онъ потянулъ ноздрями, поднялъ ее, и они покатились на диванъ, всхлипывая отъ страсти.

Варвара Савишна тихо вошла въ комнату, и такъ была тверда ея воля, что она не стала ни кричать ни браниться, а дождалась того, чтобы они утихли и чтобы дочь всю свою жизнь помнила, что мать видѣла ея позоръ.

— Хороша купеческая дочь, — молвила она, когда Лиза, перепуганная такъ, что даже губы ея поблѣднѣли, вскочила, натягивая рубашку на плечи, — поглядѣла бы я, что сдѣлалъ бы твой покойный батюшка.

Ванька и не подумалъ оправдываться, онъ выскользнулъ изъ комнаты и бѣгомъ удралъ въ дровяной сарай дожидаться своей судьбы.

Варвара Савишна велѣла дочери лечь въ постель, заперла ее на ключъ, а ключъ къ себѣ въ карманъ положила.

— До самой свадьбы, голубка моя, пролежишь, авось полъ пуда себѣ наѣшь, — у насъ по купечеству оно даже за красоту почитается.

Ваньку она на глаза къ себѣ не пустила, а черезъ довѣреннаго человѣка ему передала, чтобы, ни минуты не откладывая, онъ вещи свои собралъ и вонъ со двора уходилъ, что за покражу она его по молодости лѣтъ милуетъ, но что если когда что о немъ услышитъ, то подъ судъ его подведетъ, а ворованныя вещи у него найти ужъ сумѣетъ.

Ванька почесалъ въ затылкѣ и вышелъ на панель. Изъ дому вынесли его корзину и поставили возлѣ него. Ворота заперли.

Кончилось Ванькино сладкое житье, и все черезъ бабу.

— И далась же она мнѣ, — сказалъ Ванька, тряхнулъ головой и крикнулъ громко, залихватски: — извозчикъ!

Ванька проболтался по Москвѣ съ недѣлю, поступилъ въ трактиръ половымъ, жилъ на воль-

ной квартирѣ, гулялъ съ барышнями, но безо всякаго удовольствія. Ванька не любилъ безпутной жизни. Онъ еще мальчишкой въ Юрьевскомъ зря не шатался, а всегда за дѣломъ, либо гдѣ мужикамъ подсобить, либо у бабы стянуть цыпленка.

Трактирный шумъ и пьянство Ванькѣ не нравились.

Ушелъ онъ изъ трактира, попалъ въ дворянскій домъ; тамъ плохо кормили, Ванька и отъ дворянъ ушелъ. Не понравилось ему и у генерала, и у доктора жить не сталъ, потому что докторъ былъ холостой и, хоть жалованье давалъ большое, но кухни не держалъ, а Ванька привыкъ, чтобы за нимъ баба ходила.

Маялся, маялся онъ съ мѣста на мѣсто и ужъ недоѣдать сталъ, и ужъ въ театръ нѣсколько разъ за полтинникъ толпой ходилъ въ бархатномъ кафтанѣ.

Пошелъ онъ однажды по объявленію наниматься. Ему надо въ третій этажъ, но, проходя первую площадку передъ дверью съ надписью «Нотаріусъ», Ванька увидѣлъ человѣкъ пять посѣтителей; они ломятся въ дверь, а дѣвушка съ ними не справляется, кричитъ: — «пріема нѣту», — чуть не плачетъ, а они напираютъ.

Ванькѣ пришла дерзкая мысль въ голову. Со своей лакейской ловкостью онъ протискался сквозь толпу въ дверь и строго проговорилъ:

— Часы есть пріемные, а теперь поздно.

— Ты кто такой, — закричали посѣтители.

— Я-то кто! Здѣшній человѣкъ, — сказалъ Ванька и захлопнулъ передъ ними дверь.

Горничная ни жива ни мертва приняла Ваньку за вора, но онъ велѣлъ о себѣ доложить. Нотаріусъ принялъ Ваньку сурово, но, выслушавъ объясненіе, началъ хохотать и взялъ его къ себѣ на службу. Зажилъ Ванька опять на славу; у нотаріуса дѣло большое, народу приходило много, и каждый норо-

вилъ Ванькѣ дать на чай. Кухарка кормила сытно, а за красоту еще къ столу всякую всячину добавляла. Хозяинъ имъ оставался доволенъ, а Ванька копилъ деньгу.

Такъ онъ долго жилъ. Всѣ его любятъ, всѣ имъ довольны, и Ванька самъ собой доволенъ.

Пришла Пасха. Москва залилась звономъ, воздухъ запѣлъ, и небо превратилось въ звучный колоколъ.

Народъ вышелъ на улицу праздничный, лица лоснятся. И Ванька отправился погулять.

Ради праздника полѣзъ онъ на Ивана Великаго. Шапку держитъ отъ вѣтра и глядитъ не наглядится: передъ нимъ вся Москва разостлалась, словно Царствіе Небесное; блещетъ она солнцемъ и куполами и мокрыми крышами. Синей лентой прорѣзаетъ ее рѣка, а дальше, за городомъ видитъ Ванька открытое поле.

Какъ увидѣлъ Ванька поле, черное, мокрое, дышащее, обнялъ взоромъ до самаго края широкое поднебесье, вольное, ясное, — такая взяла его тоска по селу, по черной бороздѣ, по степи, гдѣ вѣтеръ съ птицею гоняются. Захотѣлось ему пожевать свѣжаго, горькаго, ветловаго листочка и услышать, какъ на зарѣ фыркаютъ кони, пущенные въ ночное.

Дома баринъ ему праздничное вознагражденіе даетъ, а Ванька ему въ отвѣтъ:

— Оченно вами доволенъ и радъ бы служить, да пора домой.

— Зачѣмъ тебѣ домой?

— Жениться надумалъ...

Нотаріусъ, несмотря на то, что досадовалъ, принялся хохотать; объяснялъ Ванькѣ, что глупо жениться, что баба ему обузой будетъ, что въ Москвѣ онъ хорошую карьеру сдѣлаетъ, и обѣщалъ самъ о немъ позаботиться, чтобы Ваньку въ люди вывести.

Ванькѣ лестно, что баринъ такъ имъ дорожитъ; однако, онъ тѣмъ болѣе уперся на своемъ, и разубѣ-

дить его было невозможно. Ужъ такая подошла минута.

Ванька богатъ, у него болѣе тысячи цѣлковыхъ на книжкѣ, часы серебряные и много чего изъ одежды.

Пошелъ онъ по лавкамъ, всякой всячины накупилъ; платковъ головныхъ, ситцу, сережекъ, перочинныхъ ножей да сладостей всевозможныхъ.

Все это Ванька сложилъ въ ящикъ, заколотилъ и, распрощавшись со всѣми, отправился на вокзалъ.

Кухарка съ горничной плакали, разставаясь съ ловкимъ и красивымъ Иваномъ.

Въ ноябрѣ изъ Старо-Юрьевскаго уѣхалъ грузинъ. Лиля повисла у него на шеѣ; онъ сказалъ съ добродушной улыбкой:

— Все тлѣнно, все преходяще...

Уѣхалъ и пропалъ.

Настали морозы. Въ домѣ замазали окна. Собирались кружкомъ у печки, молчаливые и грустные.

Одна только Танька все улыбалась.

— Чему ты смѣешься? — спрашивала Ляля.

— А кто ее знаетъ, смѣшно.

Когда земля укрылась снѣгами и морозы сковали рѣку, Лялѣ захотѣлось построить гору.

— Помнишь, какъ прежде, — сказала она сестрѣ.

Но Лиля молвила, покраснѣвъ:

— Мнѣ кататься неловко.

Ляля и Агафья Петровна и безъ того догадывались, онѣ махнули рукой, молча переживая стыдъ.

Гору все-таки построили; каталась на ней одна Танька. Въ полушубкѣ, въ тепломъ платкѣ она высоко подбирала юбки, усаживалась въ санки и въ сладкомъ снѣ неслась внизъ, далеко раскатываясь по двору. На гору стали приходить и дѣвуш-

ки съ села, сначала одна, потомъ еще. Агафья, которая ни за что бы этого раньше не потерпѣла, и на это смолчала. Явилось въ усадьбѣ скорбное равнодушіе; люди почувствовали, что жизнь не во власти ихъ воли, что случайность сильнѣе убѣжденій.

Рождество минуло не по праздничному, даже въ монастырь не ѣздили, изъ-за Лилинаго положенія.

Подъ крещеніе гадали. Танькѣ вышла свадьба, Лилѣ — смерть.

— Выдумаютъ, — сказала Танька и завертѣлась по гостиной.

Лиля вздрогнула:

— Боюсь я, Агафья...

— Эка невидаль, — отвѣчала нянька, — не ты первая, не ты послѣдняя; родить — не море перейти.

Понемногу къ Танькиной горѣ и парни стали подходить.

Танька вышла первой дѣвкой на селѣ, и, прослышавъ, что вдобавокъ барышня за ней приданое дать обѣщала, Таньку стали сватать. То и дѣло засылаютъ, но Агафья Петровна отвѣчала, что молода, что еще погодитъ маленько.

Лилѣ неможилось. Сердце слабѣло, опухали ноги, и не разъ бывали съ ней обмороки. Всѣ въ домѣ за нее тревожились. Сама же она какъ-то разучилась думать и все только ѣла.

— Агафьюшка, — просила она, — ужъ ты, голубушка, дорогушенька, заправь мнѣ селедку, какъ покойный папаша любилъ, покислѣй и съ лукомъ и съ корнишонами.

И мечтала объ этой селедкѣ, потомъ смаковала ее, а скушавши, посылала въ лавку за пивомъ и утоляла жажду.

Ляля отворачивалась, скрывая отвращеніе, пугаясь темныхъ круговъ у Лили подъ глазами.

Агафья смиренно шила дѣтское бѣлье; съ болью въ сердцѣ вынимала она изъ сундуковъ старинныя тонкія простыни изъ приданыхъ барышнинской бабки и рѣзала ихъ на пеленки.

За послѣдній годъ Агафья сдала, склонился ея гордый станъ бывшей красавицы, она похудѣла, и на лицѣ ея сморщилась кожа.

Агафья чуяла, что машутъ надъ домомъ зловѣщія крылья; появились мыши, часто гудѣлъ самоваръ. А изъ нижняго этажа доносились глухіе стоны, и не разобрать, вѣтеръ ли въ печахъ завываетъ, или плакали потревоженныя души умершихъ. Агафья крестилась и шептала молитвы.

Въ Старо-Юрьевской усадьбѣ поселилась тревога.

Только Танька съ вереницей дѣвокъ не умолкала: то въ снѣжки играетъ, то на бесѣду пойдетъ, всегда нарядная, всегда румяная, со смѣхомъ, и вся свита за ней. Она спокойно принимала поклоненіе. Въ сердцѣ ея жила сверкающая зима, ожидая тѣхъ лучей, которымъ суждено растопить ее.

Случилось разъ Танькѣ быть у Домниной сестры Груни на бесѣдѣ. Засидѣлись онѣ далеко за полночь и очень веселились. Въ этотъ вечеръ какъ всегда вела себя Танька съ ребятами, равнодушно отвѣчая имъ смѣхомъ и шутками, и за то, что нѣтъ у нея ни къ кому предпочтенія, и за гордость ея осерчали на нее ребята.

Ночь была темная, безлунная, по снѣгу бродили слабые звѣздные лучи.

Танька распрощалась съ дѣвушками и повернула на усадьбу.

Вдругъ за первой избой ей послышался голосъ:

— Здравствуй, Татьяна Лукьянна.

Танька вздрогнула и заторопилась.

Но за амбарушкой тотъ же насмѣшливый голосъ выговаривалъ:

— Здравствуй, Татьяна Лукьянна.

И за скирдою:

— Здравствуй, Татьяна Лукьянна.

И куда Танька ни обернется, куда ни кинется, отовсюду неслось насмѣшливо и жутко:

— Здравствуй, Татьяна Лукьянна.

Она не размышляла, ребята-ли играютъ съ ней шутку, или нечистый размножился и на голоса раздробился, — она чувствовала себя во власти злой воли. Таня металась съ одной стороны улицы на другую, ноги ея слабѣли, земля подъ ней кругомъ пошла.

А голоса кричали со всѣхъ сторонъ:

— Здравствуй, Татьяна Лукьянна.

Таня отерла потъ со лба и дрожащими губами зашептала «Отче Нашъ».

Въ эту минуту на свѣтломъ снѣгу увидѣла человѣка. Онъ проходилъ мимо церкви и перекрестился. Таня рванулась къ нему и, добѣжавъ, почти безъ сознанія упала къ нему на руки.

— Что съ тобой, красная дѣвица, — молвилъ Устинъ Митрошинъ.

— Охъ, испужалась, — вздохнула Таня, — слышь, меня кличутъ.

— Здравствуй, Татьяна Лукьянна, — закричали невидимые голоса.

— Ахъ ты, глупая, глупая, — проговорилъ Митрошинъ, — вишь, лоботрясы надъ тобой издѣваются, а ты и повѣрила. Пойдемъ, я тебя домой проведу.

Они пошли по скрипучему, крѣпкому снѣгу. Танькинъ страхъ пропалъ, и было ей отрадно идти рядомъ со спокойнымъ и сильнымъ мужикомъ. Устинъ поглядывалъ на нее искоса, и очень ему нравилось Танькино задорное и милое лицо, по-

дернутое робостью, сквозь которую пробивалась улыбка.

— Спасибо, Устинъ Петровичъ, — сказала Таня, подходя къ господскому дому, — ужъ и не знаю, какъ бы я безъ васъ...

— А тебя Таней звать? — спросилъ онъ ласково.

— Таней...

— Спокойной ночи, Таня...

Она скрылась въ дверяхъ, а Митрошинъ не торопясь пошелъ на село, спустился къ замерзшей рѣкѣ, на «Низъ» и, подходя къ своей избѣ, гдѣ жилъ вдвоемъ съ немолодой сестрой, улыбался и думалъ:

— Такую бы мнѣ новую да милую хозяйку...

Сочный ароматъ земли носился надъ мокрыми полями, гдѣ буйно расправлялась темно-зеленая рожь и грѣлись поры въ безсильной нѣгѣ, готовыя принять сѣмя.

Послѣ Причастія, послѣ Свѣтлаго праздника Пасхи, обновленные и радостные люди вышли въ поле.

Еще бушевала неуспокоенная рѣка, и на перекресткахъ стояли широкія лужи, когда застоявшіеся кони весело пошли въ борозду. Разносились окрики пахаря и пѣсни женщинъ, полные новой надежды.

Въ такую-то пору Ванька шагалъ по грязи рядомъ съ нанятой телѣгой, на которой трясся завѣтный ящикъ. Ванька опьянѣлъ воздухомъ и радостнымъ чувствомъ отчизны. Онъ шелъ, минуя версты и съ нетерпѣніемъ глядя впередъ. И вдругъ за деревьями высунулась колокольня, знакомая до послѣдняго пятнышка, и показалась она ему выше и бѣлѣе самого Ивана Великаго. Деревья разсту-

пились и открылись первыя избы на «Завертышахъ».

Ванька поднялся на плотину и съ солиднымъ видомъ пошелъ селомъ. У дѣдовой избы Ванька остановился. Постучался къ сосѣду за топоромъ.

Мужикъ былъ въ полѣ, хозяйка на селѣ, къ нему выскочила босоногая Марфуша, шестнадцатилѣтняя, въ одной рубахѣ, съ длинной косой межъ плечей.

— Чаво?

— Али не узнала?

— А ты чей будешь?

— Чей будешь? Да вашъ же сосѣдъ, съ Москвы вернулся. Одолжи топоръ, Марфуша, избу растворить.

— Ванька, — вскрикнула она, — право слово, не признала!

Она закраснѣлась.

Ванька отбилъ доски, снялъ гнилую дверь и взошелъ въ промерзлую избу.

— Деревенщина, бѣднота, — думалъ Ванька, — избу, знать, надо новую ставить.

Тѣмъ временемъ Марфуша, накинувъ платокъ, побѣжала на усадьбу.

Танька вышла, какъ жаръ горитъ, вся въ желтомъ сатинѣ; и платокъ желтый и рѣсницы золотыя; подъ глазами у нея двѣ-три веснушки.

Марфушѣ не терпится сказать, но по положенію она говоритъ о другомъ:

— Папанька велѣлъ спросить, будутъ ли господа завтра сѣять, приказчика-то дома нѣту, такъ може Агафья Петровна знаетъ...

Танька по лицу ея видитъ, что Марфуша говоритъ не то.

— Такъ ты попытай.

Когда Танька взялась за дверь, подруга ей крикнула:

— Слышь, Ванька-то Дѣдкинъ воротился.

— Врешь, — вскрикнула Танька, разомъ обернувшись, и скрылась даже ея улыбка, до того сердце зашлось въ груди.

— Ей Богу, сею минуту со станціи пришелъ да у насъ топоръ взялъ избу отворять. Да нарядный же, да кудрявый, — видно, что городской.

Танька скрѣпилась и равнодушно спрашиваетъ:

— Агафью-то Петровну спросить, что ль?

— Опосля. Я ужъ побѣгу, не то маманька прійдетъ, заругается.

Марфуша убѣжала довольная.

Таня осталась стоять на крыльцѣ и руки прижала къ груди. Потомъ сорвала вѣтку плакучей березы и раскусила спѣлую почку; стало у нея во рту горько, и отъ горечи пріятно кольнуло въ сердцѣ.

Она успокоилась, оглядѣлась, отряхнулась и подумала:

— Небось, нѣтъ дѣвки на селѣ, чтобы по будняхъ въ сатинъ рядилась.

Танька пошла къ барышнѣ и спрашиваетъ:

— Барышня, а, барышня, къ желтому какой цвѣтъ идетъ, къ примѣру сказать, для моего платья бусы?

— Голубыя, — отвѣтила Ляля увѣренно, и, вѣруя въ нее, какъ въ Бога, Танька сейчасъ же нацѣпила себѣ голубыя бусы на шею и сѣла возлѣ барышни съ вышиваніемъ.

Любимое Лялино мѣсто въ гостиной у большого итальянскаго окна. Оно выходитъ надъ оградою, прямо на село, къ церкви. Изстари окно служило связью между селомъ и усадьбой; изъ него видно, гдѣ пожаръ и какъ народъ изъ церкви идетъ, а если надо что-нибудь въ село передать, стоитъ только вывѣсить бѣлый платокъ, и знаютъ, что, молъ, пусть староста дойдетъ. Когда поденные нужны, выставлялся зеленый флагъ, а ежели господа въ городъ посылаютъ, чтобы мужички прихо-

дили съ порученіями, выкидывали желтый. Такъ велось ужъ десятки лѣтъ.

Теперь окно открыто. Дѣвушки оперлись и смотрятъ. Передъ ними «улица», а вдали, за рѣкою видны еще залитые водою луга, тѣ, что низовцы у покойнаго барина покупали.

Глядятъ они вдаль, и каждая думаетъ о своемъ. Каждая грезитъ о невѣдомомъ счастьѣ, а ехидная старуха-судьба гдѣ-то въ это время прядетъ свою пряжу, щуря единственный подслѣповатый глазъ.

— На той недѣлѣ свадьбы начнутся.

— А мнѣ дружкой быть у Домны сестры, у Груни.

— У нея богатая будетъ свадьба.

— Барышня, а какое мнѣ платье надѣть?

— Хочешь, я тебѣ новое справлю?

Танькѣ хочется блѣдно-голубое, какъ «небесная твердь».

— Посмотри, — молвила Ляля, — кто это идетъ; я такого не знаю...

Танька давно завидѣла, но молчала и, когда барышня на нее взглянула, Танькины щеки были блѣдны, вѣки сомкнулись, чтобы тайна не открылась.

— Таня, — сказала барышня и руку положила на ея руку, — что съ тобой?

Въ эту минуту Ванька вѣжливо снялъ шапку и поклонился городскимъ поклономъ.

Ляля узнала его и поняла, а Танька отворотилась.

Ванька въ щегольской поддевкѣ, въ шапкѣ изъ сѣраго барашка, въ лаковыхъ сапогахъ ловко шелъ, какъ на пружинахъ, съ дѣловымъ видомъ городского человѣка. Поклонившись «барышнямъ», Ванька обошелъ ограду и мимо прачечной вошелъ на барскій дворъ. Онъ обратился къ приказчику, не будетъ-ли у него сухого лѣсу на постройку избы. Ванька желалъ сразу пустить пыль въ глаза.

Приказчикъ сторонній, Ваньки онъ не зналъ.

— Лѣсъ у насъ имѣется, а вы кто такіе будете, — дальніе?

— Я здѣшній человѣкъ; сегодня изъ Москвы. Строиться желаю.

— И землица есть?

— Есть надѣлъ, да и избенка есть, только по мнѣ плоха.

— Вѣрно, жениться надумали?

Ванькѣ это польстило, онъ и говоритъ:

— Ежели подходящая партія сыщется, отчего же не жениться.

— Ишь какой, — думаетъ приказчикъ, и пошли они смотрѣть лѣсъ, что сложенъ возлѣ сада.

Ванька выбираетъ деревья получше, попрямѣе, цѣной не стѣсняется, приговариваетъ:

— Я не постою, мнѣ лишь бы хороша изба была; крыть стану желѣзомъ.

Въ саду бродила Лиля, располнѣвшая, крупная. Лицо ея было болѣзненно-блѣдно, и на немъ глаза горѣли сдержаннымъ безумiемъ.

Лиля, сонная въ дѣвичествѣ, расцвѣтшая чувственнымъ огнемъ послѣ брака, томилась жаждой нѣжности. Она вздыхала, грудь ея давили слезы и, прислушиваясь къ трепетанію младенца, она страдала безъ любви.

Лиля подошла къ опушкѣ сада, замѣтила, что приказчикъ съ кѣмъ-то разговариваетъ, и отъ скуки стала приглядываться.

Ванька лицомъ къ ней оборотился и поклонился молча. Лиля его не узнала, она и не помнила о немъ, но красивый парень, широкій въ плечахъ, съ кудрявой головой очень ей пришелся по вкусу, и домой она пошла какъ-то оживленнѣе.

День долго не угасалъ, вечеромъ еще мягкія волны свѣта разливались по Низу, и лишь въ серединѣ неба, въ тонущей глубинѣ зажигались блѣдныя звѣзды.

Ляля съ Танькой вытащили къ большому окну гору вещей изъ завѣтныхъ шкаповъ.

— Выдумали, барышня, для Таньки добромъ сорить, — ворчала Агафья, — поберегли бы себѣ въ приданое.

Ляля горько улыбнулась:

— Я замужъ не пойду, Агафьюшка, — сказала она сурово.

Для Таньки выбрали широкую юбку съ кринолина изъ толстаго стариннаго брокара, голубую, съ блѣдными вѣночками, словно туманомъ наведенными.

— Съ нея выйдетъ юбка и кофта.

Прибавили фартукъ изъ кружева съ голубыми лентами, на плечи нашли настоящую персидскую шаль, а для головы Ляля отыскала такой платокъ, что Танька до него двумя пальцами дотронуться не смѣла: кусокъ мягкаго бѣлаго атласа, и по нему вышиты чайныя розы.

— Ну, Таня, ты царицей будешь, такого наряда на селѣ не видывали.

У Таньки глаза закруглились, и дыханіе сперлось при видѣ вещей; вѣдь въ этомъ нарядѣ она явится передъ нимъ, передъ кудрявымъ Ванькой, побывавшемъ въ Москвѣ. Отъ важности она выпрямилась и пальцы растопырила.

По мебели были набросаны шелка и старинныя платья, въ окнѣ зажглась послѣдняя вспышка дня, та особенно свѣтлая минута, когда все переливаетъ перламутромъ передъ тѣмъ какъ погаснуть, уступая мѣсто ночи.

Дѣвушкамъ стало радостно, онѣ взялись за руки и, напѣвая, медленно закружились. Ихъ косы распустились, и пряди волосъ били по лицу.

Онѣ молча кружились сильнѣй и сильнѣй среди кринолиновъ, распустившихся по комнатѣ гигантскими цвѣтками.

Дѣвушекъ зачаровали шелка. Загадка прошлаго и загадка юности, сумерки нѣжныя, блѣдныя, милыя...

Что-то будетъ?..

Тяжелымъ шагомъ поднялась по лѣстницѣ Лиля, вошла, вздыхая, и грузно сѣла, нарушая чары.

— Вы что, пляшете? А я какого красавца видала! Не знаю, кто таковъ, лѣсъ за садомъ смотрѣлъ.

Зачѣмъ Лиля заговорила? Можетъ быть, красавецъ и есть загадка, то невѣдомое, о чемъ молчатъ, о чемъ поютъ безъ словъ, какъ Таня съ Лялей.

Сны разлетѣлись.

Дѣвушки прибрали въ комнатѣ и занялись каждая своимъ дѣломъ.

Лиля плакала о своемъ одиночествѣ, что сестра ея чуждается. И утѣшилась жаренымъ цыпленкомъ съ соленымъ огурчикомъ, а Ляля въ сумракѣ ходила далеко по дорогѣ и вернулась поздно, усталая и успокоенная. Въ этотъ вечеръ она окончательно приняла рѣшеніе послѣ Лилиныхъ родовъ уѣхать въ городъ.

— Поперекъ дороги ты мнѣ со своей свадьбой становишься, — ворчалъ Грунинъ отецъ, — въ полѣ работа стоитъ.

— Брось ты, Митричъ, попрекать, одна дочка — черничка; благодари Бога, что хоть эту выдаемъ.

Въ избу набилось дѣвокъ, какъ цвѣтовъ въ пучкѣ, разноцвѣтныя, атласныя. Бумажный атласъ топорщится, юбки торчатъ. Дѣвки потныя, смѣются въ кулакъ, а въ печкѣ пироги поспѣваютъ.

На дворѣ солнышко разгулялось; народъ дожидается; брички готовы.

Ванька неподалеку съ ребятами балагуритъ. На него поглядываютъ завистливо, и вмѣстѣ съ тѣмъ лестно съ богачемъ водиться.

Каждая дѣвушка о немъ мечтаетъ.

Танька идетъ.

Съ ней Агафья Петровна, прилично, въ темномъ. Танька же колоколомъ плыветъ, такъ сбористы юбки; словно алмазъ сіяетъ голубой шелкъ, и головка клонится, то ли отъ стыда, то ли подъ тяжестью вышитаго платка, — чайныя розы по бѣлому атласу.

Бабы другъ дружку толкаютъ:

— Гляди, барышнина баловница, обувки-то голубыя.

Ужъ такого-то на селѣ не бывало, чтобы обувки платью въ цвѣтъ. Ляля нашла бальныя туфли, дали столяру каблуки спилить и для полной красоты Танькѣ надѣли.

Вошла она въ избу и потупилась, самой даже боязно, до того пышна.

— Вотъ тебѣ, Ваня, невѣста, — говорятъ ребята, — за ней барышня деньгу даетъ.

Ванька, нахохлившись, отвѣчаетъ:

— Я за деньгами не гонюсь, своихъ достанетъ; была бы дѣвка хороша.

— Да ужъ чего же лучше?

— Щупла, — говоритъ онъ, наморщивъ носъ, — что жердь въ таліи тонка. По мнѣ баба должна быть дородная. Я вотъ въ Москвѣ съ купчихой съ одной спутался, такъ во какая! И ужъ одѣвалась! У мадамки, у Жофриньи. Вся въ каменьяхъ, тувалетъ такой, что по пузо раздѣмши.

— Ну? Голая? Такъ это-жъ развѣ можно?

— У насъ на Москвѣ все можно. Такъ и одѣваются, — руки голыя, шея голая, все голое, и на юбкѣ прорѣзъ.

Ребята гогочутъ.

Двинулась свадьба; въ храмѣ набилось народу — почитай, все село.

Послѣ вѣнчанія отправились пировать.

Ванька къ Танькѣ подошелъ.

— Здравствуйте, Татьяна Лукьяновна, — говоритъ, — давно не видались.

— Здравствуйте, — отвѣчаетъ она, едва дыша, и зардѣлась, и губы дрожатъ.

— Мы васъ погулять ангажируемъ, — пристаетъ Ванька съ наглой улыбкой.

Она на него взглянула и узнала своего соплявaго, любимаго мучителя — даромъ, что кудрявый.

Но Агафья Петровна съ важностью отрѣзала:

— Татьяна у насъ не гуляетъ, не пріучена.

Съ середины зимы къ Агафьѣ засыпали сватовъ, но она медлила: молода Татьяна.

Послѣ Груниной свадьбы Устинъ Митрошинъ, вдовецъ, посватался. Агафья призадумалась, потому что Митрошины люди порядочные, съ достаткомъ, и всего-то ихъ послѣ холеры осталось братъ да сестра. Въ такомъ домѣ молодой хозяйкѣ жить привольно.

Стала крестная дѣвченку понуждать, Танька уперлась, — ни за что.

Агафья Петровна не отказала, надежду подала, попросила съ отвѣтомъ обождать до Троицы.

А Устину Митрошину такъ Таня полюбилась, что, хотя очень нужна ему работница въ домъ, однако онъ другую не желаетъ и рѣшился ждать.

Гдѣ только можно, Таню встрѣчаетъ, даже къ работѣ остылъ, чего у нихъ въ роду не замѣчалось.

Съ весны дѣвки стали бѣгать по всему господскому саду. Танька осмѣлѣла и чувствуетъ себя хозяйкой. Она видитъ, что въ домѣ неладно и что барышнямъ и крестной не до того. И гоняютъ

дѣвки среди черемухи, хороводы водятъ вокругъ пруда; по всему саду несутся смѣхъ и ауканье.

Въ это лѣто деревья покрылись сочной листвой, травы росли особенно сильно, яблони цвѣли хлопьями, а бабочекъ народилось такое множество, что онѣ вились ковромъ по лужайкамъ.

И Танька, какъ бабочка, легкая и безпечная, сверкая яркими платьями, собираетъ по саду фіалки...

То она алыми пятнами виднѣется сквозь листву, то сливается съ зеленью, нарядившись въ изумрудное, или въ своемъ любимомъ желтомъ платьѣ сама становится солнечнымъ пятномъ.

Стояла Танька въ полдень на лугу, за садомъ, на самомъ припекѣ. Она глядѣла въ даль, на дорогу. Ждали Домну изъ монастыря ко дню Лялинаго рожденія. Таньку выслали поглядѣть.

Она руку надъ глазами поставила и сощурилась, а вокругъ тишина.

И вдругъ душа у нея задрожала, и въ эту минуту позади раздался голосъ милый, знакомый и дерзкій.

— Что это вы тутъ, Татьяна Лукьяновна?

Танька вскрикнула, лицо укрыла руками и не обернулась.

А солнце прямо ей въ грудь ударило и спалило ее и растопило забытую памятку въ сердцѣ. Разомъ Танька залилась любовью, и запылали щеки.

Показалось ей, что сейчасъ онъ броситъ ее на землю и будетъ щекотать, она-же зальется мучительнымъ хохотомъ, безвольная, счастливая, страдающая.

Мелькнула сверкающая ледяная гора, и духъ захватило, какъ тогда.

Слезы стыда и сладости заструились изъ глазъ, когда жаркія руки обняли ее сзади, и шею обожгло дыханіе. Иванъ отдернулъ ея пальцы отъ лица и,

пригибая Таню навзничь, прильнулъ къ ея губамъ долгимъ поцѣлуемъ.

И какъ будто вся жизнь готовила ихъ къ тому, и каждымъ шагомъ они подвигались къ этой минутѣ, и весь смыслъ жизни былъ въ страстномъ порывѣ, сплетающемъ ихъ руки и сердце. Она приникла къ нему, и онъ прижалъ ее къ себѣ дрожащими, напряженными мускулами, имѣя рабу, покоряя ее навсегда.

Ванька раскрылъ руки и ласковымъ словомъ заговорилъ. Но она, испуганно зажмуривъ глаза и подобравши юбки, отъ смертельной опасности дернулась и легкимъ прыжкомъ перенеслась черезъ канаву въ самую гущу черемухи.

Ванька было за ней погнался, да зацѣпился за вѣтви, и, пока возился, она, привыкши къ чащѣ стараго сада, выскочила на дорожку и со всѣхъ ногъ бѣжала до того мѣста, откуда виденъ домъ.

— Ѣшь, — говорила Агафья, — что-й-то ты нынче обалдѣла, ужъ и не ѣшь; али вовсе зажралась?

У Таньки кусокъ не лѣзетъ въ горло; утроба дрожитъ съ перепугу и съ радости.

Она его ждала и сохранила вѣрное сердце.

Давно, давно, на краю оврага, гдѣ подъ ними кипѣло разъяренное пламя и въ небо взлетали искры снопами, онъ назвалъ ее: — желанная.

Танька повѣрила и запомнила.

Онъ измѣнилъ, ушелъ, забылъ, но она, разъ отдавши сердце, не знала сомнѣній и ждала въ зачарованномъ снѣ. И дождалась того дня, что онъ воротился красивымъ, богатымъ и нѣжнымъ, какъ царевичъ, и нашелъ ее. Онъ цѣловалъ ее въ самыя губы, значитъ всю душу и взялъ.

— Таня, а, Таня, — кричали изъ гостиной, — куда ты пропала?..

Она вошла и поставила на столъ хрустальную вазу, полную алой клубники.

— Вамъ, барышня, старый Анисимъ къ празднику раннюю викторію выгналъ.

Вдругъ она увидѣла Домну и вспомнила, что Домну-то она проглядѣла. И до самыхъ волосъ Танька вспыхнула.

— Ты сама, что клубника, — сказала Ляля, а въ лицѣ ея дрожалъ сдержанный смѣхъ.

Домна улыбнулась:

— Скоро и поздравлять?

Танька вдругъ опустилась на коверъ и по щекамъ ея потекли крупныя слезы. Танька ревѣла отчаянно, страстно.

— Глупая, вѣдь дождалась, — утѣшала ее Ляля, — погляди, завтра сватовъ пришлетъ.

Таньку поили водой съ вишневымъ вареньемъ, выбирали ей лучшіе куски торта. Она сидѣла въ креслѣ, и, глядя на нее, всѣ улыбались.

Лиля вздохнула:

— Счастливица, такой-то онъ у тебя молодецъ!

Домна засидѣлась, она разсказывала о монастырѣ, что очень у нихъ уставъ не строгъ, и о томъ, что она уйдетъ въ другую обитель, въ дальную губернію.

— Всѣ разбѣгутся, — шепнула Ляля, но одна только монашка поняла ее, — кому въ горестный, кому въ радостный путь — неизвѣстно.

Лиля дремала, а Танька забылась во власти полдневнаго поцѣлуя.

День за днемъ, день за днемъ, а Ванька сватовъ не шлетъ.

Ванька строится. Задумалъ двойную избу ставить, изъ сруба зимнюю, а черезъ сѣни каменную. Долго Ванька не раздумывалъ, съѣздилъ на стан-

цію, привезъ кирпичей, и закипѣла работа на Ванькиной усадьбѣ — и плотники и каменщики.

Старики предупреждали:

— Чѣмъ бы двѣ избы ставить, ты бы лучше лошадь купилъ да землю вспахалъ, хоша пары, а не то гдѣ хлѣбушка возьмешь.

— Хлѣбушка мы за деньги купимъ да еще съ масломъ.

— Эхъ, Ванька, али у тебя въ карманѣ неразмѣнный рупь?

Молодежь завидовала.

Дѣвицы же всѣ до одной съ ума посходили, тряпья на себя наворачиваютъ, нѣкоторыя такъ по двѣ кофты стали носить для большей пышности.

А Танька блѣднѣетъ, блѣднѣетъ, и поцѣлуй жжетъ ее стыдомъ. Сердце ноетъ и сохнетъ въ груди, и такъ-то ей грустно, такая безысходность, что захотѣлось ей родную мать повидать. Она пошла.

Только порогъ избы переступила, глядитъ, — отецъ, — три года пропадалъ изъ села.

Стоитъ онъ посереди хаты и, голову запрокинувъ, пьетъ изъ склянки.

Мать ей изъ угла машетъ, — уходи молъ, прибьетъ. А Танька остолбенѣла. Сердце ея упало, какъ будто бѣду почуяло.

Отецъ ее примѣтилъ, подошелъ; липкимъ языкомъ съ трудомъ ворочаетъ:

— Эхъ, Татьяна Лукьянна, господская прихвостка, бѣлоручка паскудая, сучье дитье...

И внезапно ударилъ Таню сильно по щекѣ.

— Не нужны намъ таковскія, здѣсь честный фабричный человѣкъ живетъ. Пошла вонъ, потаскуха...

Танька молча руку къ щекѣ прижала и не двигалась.

Лукьянъ замахнулся чугуннымъ таганомъ; въ эту минуту Таньку оттащили сзади.

— Идемъ, идемъ, Таня, на усадьбу, — шепталъ Устинъ, — а то еще убьетъ.

Она пошла, не понимая, за что на нее отецъ нападаетъ. Вспомнила, что маленькую онъ ее часто бивалъ, — вѣрно ужъ такъ водится. Она безпокойно оглядывалась.

— Не бойсь, со мной ничаво...

— Таня, — просилъ Устинъ, — иди ты за меня, ей Богу, будешь счастлива.

Она краснѣетъ:

— Про васъ, Устинъ Петровичъ, и люди говорятъ, что вы смирный.

А отвѣта не даетъ.

Онъ ее до дому довелъ:

— На Троицу судьбу мою рѣшишь. Ахъ, и полюбилась же ты мнѣ, Татьяна Лукьянна.

А Ванька не сватается.

Дѣвушка не стала никуда выходить; отца боится да передъ деревенскими совѣстно, что первая невѣста, а Ванька ей такое небреженіе показываетъ. Подруги прибѣгаютъ съ обновками, кому Ванька платокъ подарилъ, кому сережки. Дѣвушки хвастаются. А у Таньки въ груди свила гнѣздо злая тоска, и пропала Танькина улыбка.

Ванька день-деньской по селу хорохорится со своей постройкой да и такъ шляется, для форсу, то въ лавки что купить, то на почту зайдетъ, въ Москву отправляетъ телеграмму съ заказами.

И все-то зря; ни въ лавкѣ ему ничего не надо, и адресовъ-то въ Москвѣ такихъ вовсе нѣтъ. Сбился Ванька очень на показную сторону съ тѣхъ поръ, какъ домой воротился. Очень ему лестно показалось больше того изъ себя изобразить, чѣмъ есть. Все для людей, чтобъ видали.

А съ наступленіемъ ночи Ванька изъ села задами выходилъ и кружнымъ путемъ, мимо кладбища, пробирался въ господскій садъ.

Была тамъ чаща одна тѣнистая, куда и комары не залетали, тамъ безъ солнца и цвѣты не цвѣли, и если что тамъ пряталось, такъ одинъ только грѣхъ.

Туда Ванька по ночамъ ходитъ, и тамъ его безумная женщина ждетъ. Ужъ какъ они встрѣтились, какъ сговорились, — Богъ ихъ вѣдаетъ; глазами сговорились, — она пришла, и онъ пришелъ. И не было между ними долгихъ разговоровъ. Она, какъ звѣриная самка, дрожала, а ему пришлась по вкусу.

Москву вспомянулъ.

— Эхъ, бабы, — думалъ Ванька, — и чаго это онѣ во мнѣ нашли?

Несчастная глядитъ на него собачьими глазами, только бы не ушелъ. Ванька доволенъ: — «весной на бабу тянетъ».

А зачѣмъ же Ванька Таньку цѣловалъ?

Ну, это можетъ быть единственная за всю его жизнь минута была душевная; всякой душѣ свой часъ положенъ свѣтлый.

Время подошло къ Троицѣ.

Послѣ обѣдни Танька съ Лялей зелени наломали и ставятъ въ вазы вѣтви и цвѣты.

Барышня въ бѣломъ платьѣ, свѣтлая и радостная; она любила Троицинъ день, вспоминала, какъ его съ отцомъ проводили.

— Что ты, Таня, печальна?

— Ничего, я такъ...

— Брось ты о немъ думать, нехорошій онъ человѣкъ. Иди за Митрошина.

— Не люблю я Устина.

— Старые люди говорятъ: стерпится — слюбится. Зато онъ порядочный.

Заплакала Танька, у барышни на плечѣ скрывая опечаленное лицо. А тѣмъ временемъ ее Агафья кличетъ: Устинъ пришелъ со своею родственницей.

Агафья дала согласіе, и Таня, сдерживая слезы, молвила:

— Коли крестная, такъ и я согласна...

Просіялъ Устинъ, обнялъ невѣсту что есть силы и поцѣловалъ въ обѣ щеки.

Свадьбу назначили послѣ Петрова дня.

Таня въ свое шелковое платье нарядилась и пошла съ женихомъ на улицу.

Все село гуляетъ. Высыпалъ народъ, время вольное, отсѣялись давно. Видятъ женихъ съ невѣстой и удивляются, какъ это Митрошинъ у Ваньки дѣвку перебилъ.

И Ванька ходитъ, съ дѣвушками пошучиваетъ. Ему ребята говорятъ:

— Проглядѣлъ ты, Ваня, самую первую дѣвку.

— Какъ это проглядѣлъ? — спрашиваетъ онъ, подбоченясь.

— Да такъ, что нынче ее за Митрошина Устина просватали.

— А кто просваталъ?

— Извѣстно кто, ейная крестная мать.

Ванька усмѣхнулся и произнесъ громко и нагло:

— Ежели и просватана, такъ ничего съ того не будетъ, потому Татьяна дѣвка моя.

Услыхалъ Устинъ, побагровѣлъ, подскочилъ къ Ванькѣ да кулакомъ ему въ ухо. Ванька прыгнулъ, перевернулся и полѣзъ на Устина. Они сцѣпились, какъ бѣшенные псы, хрипятъ, слюна изо рта течетъ, носы въ крови, и на рубахѣ кровь. И бьютъ и ломаютъ одинъ другого.

Таня вскрикнула и опустилась безъ чувствъ. Дѣвки столпились, ее схоронили, а самимъ любопытно и страшно. Народъ на драку глядитъ равно-

душно, молодые такъ уськаютъ. Мужики постарше двинулись разнимать. А тѣ себя не помнятъ.

Но вотъ у Ваньки ноги подкосились, онъ осѣлъ немного, и чувствуетъ Устинъ, что Ванька тянетъ къ землѣ. Онъ выпустилъ его — передохнуть, — Ванька покатился въ пыли.

Митрошина схватили и отвели. Ваньку ребята въ избѣ положили.

Дѣвки Танькѣ завидуютъ.

Вдругъ запогодилось, изъ-подъ тучи подуло холоднымъ вѣтромъ, поднялась пыль, и разошелся народъ по домамъ.

Танька съ опущеннымъ взоромъ тихо, тихо пошла на усадьбу. Горькія слезы собрались у нея въ горлѣ. Страшна ей человѣческая злоба, страшенъ Устинъ, и Ванька страшенъ, и чуетъ она, что нелегкая доля бабья доля и что мужнина власть страшнѣй грозы небесной, коли за эту власть тихій и добрый Устинъ озвѣрѣлъ.

И Ваньку жалко, а пуще всего себя.

Танька идетъ съ трудомъ и крѣпко стягиваетъ персидскую шаль на груди. А вѣтеръ рветъ.

Затуманилось Танино сердечко, какъ погода затуманилась. По улицѣ пыль столбомъ крутитъ черная. Разомъ Троицынъ день испортился. Танька вошла въ домъ и здѣсь почуяла недоброе.

Агафья кричала:

— Таня, бѣги за бабкой!

Танька смекнула и, какъ была въ шелку, обратно на село побѣжала. Закрапалъ дождь, потомъ сильнѣй ударилъ и полилъ. На улицѣ пустота, одинъ только пьяный колеситъ и оретъ непристойную пѣсню.

Добѣжала Танька промокшая.

— Бабушка, бѣги скорѣй, барышня мучается.

Пропало Танькино шелковое платье.

Прошелъ дождь и лилъ уже вдали по степи, надъ селомъ разъяснилось чистое небо; и солнышко

закатилось, а Лиля все кричитъ, и крикъ ея теряетъ силу, становится хриплымъ.

Чудится Танькѣ, что родильница надрывается изъ послѣднихъ силъ, что порвется у нея горло и съ воплемъ отлетитъ жизнь.

Танька между печью и шкапомъ въ гостиной притаилась, не шелохнется и уши затыкаетъ, а по спинѣ бѣжитъ морозъ.

Лиля мучается вторыя сутки. Пріѣхалъ докторъ со станціи; роды тяжелые. Лилино слабое сердце не выдержитъ, она истощилась, и глухой стонъ, сдавленный въ горлѣ, ползетъ по старому дому, — предвѣстникъ смерти.

Ужъ ночь.

Ужъ разсвѣтъ облилъ весь садъ золотыми брызгами и Таню забрызгалъ сквозь окно. Она спитъ, сидя на полу, такая же блѣдная, какъ утро.

Вдругъ она вздрогнула и поднялась — надъ ней стояла Агафья.

— Гляди, какой мальчикъ.

Она спросонья смотритъ, и мнится ей, что ангелочекъ отъ Господа прилетѣлъ.

— Махонькій... бѣдненькій... А барышня?

— Барышня? Померла, — говоритъ Агафья Петровна, и плачутъ старыя очи.

Сидитъ Танька въ креслѣ и нѣжно, тихо качаетъ младенца на колѣняхъ. Рукой дотронуться не смѣетъ; думаетъ:

— Не было, не было, а сталъ... чудно!..

Никто не удивился смерти — ее ждали. Давно надъ усадьбой хлопали темныя крылья.

Монашки пріѣхали читать надъ покойницей.

Ляля спросила сквозь плачь:

— Гдѣ Домна?

— Домна ужъ съ недѣлю, какъ ушла, — говоритъ Маша-черничка, — ушла въ другую губернію, въ строгую обитель.

Лилю похоронили въ склепѣ; только и оста-

лось у Юрьевскихъ господъ отъ прежняго богатства, что склепъ, просторный, выложенный бѣлыми плитами.

Для младенца взяли кормилицу, и захлопотала Агафья Петровна надъ новою жизнью, помолодѣла, чувствуя, что перекинулось заржавѣвшее колесо и опять въ ней явилась нужда.

Черезъ нѣсколько дней пришелъ Устинъ. У него на лицѣ еще былъ синякъ. Устинъ стыдливо улыбался, Танѣ подарокъ принесъ, — коралловыя сережки.

Она взглянула на него съ благодарностью, и стояли они, взявшись за руки; прислушивалась одна душа къ другой. И Таня съ отрадою склонила головку къ нему на плечо.

Изъ города пріѣхалъ Юлій Юльевичъ.

— Я воронъ, — сказалъ онъ, — на покойниковъ прилетаю.

Написали Семену Иванову письмо и денегъ послали, — на этомъ Ляля настояла. Пожилъ опекунъ три дня и заторопилъ:

— Давайте, Fräulein Ляля, въ путь собираться, нечего вамъ тутъ дѣлать, въ разоренномъ гнѣздѣ; въ городъ поѣдемъ.

И пошла Ляля по селу прощаться, въ каждую избу заходила, со всѣми перецѣловалась; пошла по саду и съ плачемъ обнимала деревья; всѣ дорожки обошла, уронила слезинку въ прудъ и въ домѣ каждую вещь перебрала.

Здѣсь она родилась, здѣсь похоронила всѣхъ близкихъ, а сама расцвѣла въ разумную и нѣжную дѣвушку.

Ляля Таньку благословила и шепнула:

— Будь же счастлива съ Устиномъ.

Плакала, разставаясь съ Агафьей, и уѣхала...

Осталась Агафья Петровна хозяйкой надъ домомъ и надъ жизнью одинокаго младенца. Окрестили его въ честь Лили Олегомъ.

А Танька цѣлыми днями сидѣла у любимаго барышнинаго окна и плакала — разливалася безутѣшно, какъ будто въ груди у нея накопилось озеро слезъ.

Ванька проболѣлъ недѣли двѣ, — очень его Митрошинъ измялъ; и всталъ онъ ужъ не тотъ.

Что-то у него въ животѣ надорвалось, явился скверный вкусъ во рту, и боль въ поясницѣ не проходила. И ужъ не такъ то онъ высоко кудрявую голову держалъ и ходилъ хмурый. Видно, что въ головѣ засѣла недобрая мысль.

Странное дѣло, съ того дня, какъ Ванька пострадалъ, отвернулись отъ него ребята, перестали дружить, да и дѣвушки косились. Словно бы ихъ Ванька въ чемъ обманулъ.

Остался онъ со своей постройкой одинъ. Деревянную избу закончили, а на другую кирпичей не хватило.

Ванька обѣщаетъ съѣздить купить, да все не ѣдетъ. Такъ вторую избу и бросили недостроенную.

А онъ къ Лукьяну зачастилъ, и стали они вмѣстѣ пить.

Однажды, выпивши, Ванька и говоритъ Лукьяну:

— Танька твоя за Митрошина просватана; это хорошо. Устинъ богатый мужикъ, у него своей земли съ полъ сотни десятинъ, только удивляюсь я, чего тебѣ съ богачемъ родниться?

— Я Таньку отъ себя прогналъ, — говоритъ Лукьянъ.

— Прогнать то ты ее прогналъ, а только дочь то она твоя, и ты имѣешь полную праву по своему распорядиться. Отдай Таньку за меня; я тебѣ сто цѣлковыхъ выложу.

Лукьянъ согласился. Очень ему по душѣ пришлось богачу Митрошину досадить да и Агашкѣ показать, что, дескать, напрасно барствуетъ, все равно противъ отца родного ничего не сдѣлаешь.

По рукамъ ударили Ванька съ Лукьяномъ:

— Мы люди городскіе, нечего намъ съ ними вязаться.

Лукьянъ отправился къ Митрошину и объявилъ ему отказъ.

Устинъ молилъ, большія деньги предлагалъ, грозился, — ничего не помогало, пьяный мужикъ заупрямился.

Устинъ ходилъ къ батюшкѣ и въ ноги священнику кланялся. Отецъ Иванъ и безъ просьбы радъ былъ помочь, ибо самъ понималъ, что благо; онъ посѣтилъ Лукьяна и Ваньку усовѣщевалъ.

Но и батюшкѣ отказали.

Явился Лукьянъ на усадьбу и при людяхъ Агафьѣ Петровнѣ такой дряни наговорилъ, что и подхолима она господская, и что Таньку то она Митрошину продавала, и что сама то она извѣстная потаскуха.

Тутъ возстала гордость бывшей красавицы, бывшей барской всесильной любовницы, и долголѣтняя привычка приказывать ударила Агафьѣ Петровнѣ въ голову. Она поднялась, поблѣднѣла, пошатнулась и крикнула:

— Вонъ этого хама вывести!

И рухнула въ кресло.

И таковъ у старухи былъ голосъ, и такова осанка, что люди безропотно пьяницу изъ дома выкинули; повѣрилось имъ, что возстала изъ гроба сама госпожа.

Полъ часа просидѣла Агафья въ безпамятствѣ, такъ что дѣвушки съ кормилицей испугались.

Лукьянъ ушелъ и Танѣ велѣлъ за собой идти, а изъ даренаго добра ничего не брать:

— Оченно мы нуждаемся. Небось свое справимъ.

Не смѣла Танька ослушаться отца, она поплелась за нимъ черезъ все село, опустивши голову, и пришла на родные «Завертыши», гдѣ бывало глядѣла, какъ водоворотомъ уноситъ цѣлыя бревна въ бушующую рѣку.

Темно и грязно показалось ей въ родительской избѣ, и съ испугомъ смотрѣла она на забитую мать и пьянаго отца.

Ванька справилъ свадьбу богатую и нарядъ невѣстѣ купилъ и пировали на его деньги. Зато вышли Ванькины деньги до послѣдняго рубля; всѣ на хвастовство пропустилъ.

Шла Танька къ вѣнцу покорная. Исполнялась ея завѣтная греза, — съ Ванькой, съ милымъ мучителемъ вѣнчаться; но счастью прошла пора, его мѣсто заступила покорность. Повели подъ вѣнецъ, она и пошла, исполняя то, что у нея съ судьбою сговорено.

Не молилась она на образа, на жениха не смотрѣла, а ждала съ трепетомъ неизбѣжной Ванькиной надъ собой воли.

Танька забилась въ уголъ, вся ослабла, колѣни трясутся, замираетъ утроба.

Ванька къ ней пошелъ.

Она платокъ туго стягиваетъ руками и голову хоронитъ за плечо, а Ванька близко, на нее наступаетъ.

— Татьяна, — говоритъ, — подь сюды...

Танька не идетъ.

— Подь сюды, Татьяна!..

Съ ея губъ сорвалось давно забытое слово:

— Боюсь...

— Ду-у-ра!

Ванька вплотную подошелъ; Таня вспомнила поцѣлуй на краю сада, подняла личико, и ротъ ея слегка пріоткрылся.

Но Ванька цѣловать ее не сталъ, дернулъ молодую, выволокъ изъ угла и бросилъ на богатую постель съ кумачевой занавѣской.

Танька отбивалась съ послѣднимъ безумнымъ страхомъ, съ послѣдней отчаянной надеждой не дать ему наложить тяжелую руку на дѣвичью ея волю.

Ея сердце стучало, готовое разорваться, стыдъ заливалъ глаза, когда Ванька хваталъ ея платье. Она поднялась, напрягая всѣ силы, и двумя руками расцарапала ему лицо.

— Ишь, бестя, — зарычалъ ея мужъ и сильнымъ ударомъ въ грудь свалилъ ее на подушки и придавилъ, причиняя нежданную боль, не слушая стона, забирая ее въ свою звѣриную, вѣчную власть.

Пролилась Танькина дѣвичья кровь.

Ванька свою молодую жену измучилъ и захрапѣлъ, а Танька плакала въ темнотѣ, плакала да плакала.

Дерево трещало въ новой избѣ, шептались ночные шорохи. Танькѣ жутко было и одиноко: — гдѣ-то барышня? И крестная на усадьбѣ одна, вѣрно скучаетъ...

Разсвѣтъ заглянулъ въ окно и сказалъ:

— Таня, ты теперь горемычная...

— Горемычная, — отвѣтила Таня.

Слѣзла съ кровати и, какъ будто наизусть знала, поставила самоваръ, затопила печь. А слезы по лицу струятся.

Ванька проснулся, вылѣзъ потягиваясь и, какъ бывало съ Фросей, крикнулъ:

— Чаю!

И причмокивая началъ пить съ блюдечка.

Вышилъ и говоритъ:

— Что это у тебя, Татьяна Лукьяновна, морда заплакана? Ужъ не по Устину ли ревешь?

Таня молчитъ.

— Вотъ оно что! Я жъ тебѣ покажу Устина...

И хватилъ ее по затылку разъ, два и за косу да въ плечо.

Танька не пикнула; высохли слезы. Она прировнялась къ женамъ, замолкла.

— Иванъ Платонычъ, — тихо сказала Таня, — во щи капусты-то у насъ нѣту.

Ванька злобно усмѣхнулся:

— Поди на барскій дворъ. За твою службу они качанъ капусты небось тебѣ задолжали.

Танька замялась. Очень ей туда показаться было тяжело.

— Ну, — гаркнулъ Иванъ.

Она согнулась и побѣжала, забывъ о прошломъ, о гордости и счастьи.

Ванька все утро прошлялся по селу, а за обѣдомъ жена, подавъ ему щи съ кашею, молча стояла подперѣвъ щеку рукой, глядя, какъ ея хозяинъ съ чавканьемъ насыщаетъ свое жадное тѣло.

Прошло два года. Въ жаркій лѣтній день, когда тишина горитъ, спаленная прямыми лучами, и даже мухи лѣниво прячутся въ тѣни, въ Юрьевскую усадьбу приплелся старый нищій. Никто его не зналъ, никто никогда не видѣлъ.

Онъ постучался въ прачечную.

— Поди въ господскій домъ, — отвѣтила ему веселая, румяная дѣвушка, — тамъ завсегда подаютъ.

Агафья Петровна сидѣла въ тѣни дома, глядя, какъ Лялька, толстый, черноглазый и черноволосый, возится въ пескѣ.

На дорожкѣ густо проросла трава, домъ обветшалъ, обвѣтрился, сыпалась штукатурка. Крыльцо скосилось.

Нищій вошелъ въ ворота и остановился.

— Тебѣ что, Божій человѣкъ, — спросила Агафья, — хлѣбушка подать? Поди, возьми Христа ради.

Онъ же приблизился и говоритъ:

— Внучекъ я пришелъ повидать — дочери моей дѣтки.

Агафья поднялась и пристально вглядѣлась въ его лицо.

— Вы не Надежды ли Григорьевны батюшка, — молвила она съ волненіемъ.

— Наденькинъ и есть...

— Батюшка, баринъ, простите Христа ради, — вскрикнула Агафья и поклонилась ему въ поясъ.

— Богъ проститъ, — отвѣтилъ нищій.

— А внучекъ нѣту; одна померла — Царствіе ей Небесное! — другая въ городѣ живетъ. Только правнучекъ у васъ тутъ есть...

Она указала на мальчика.

Нищій дѣдъ поселился на усадьбѣ и принялся правнука няньчить...

Годы шли чередою.

Въ Старо-Юрьевскомъ женились, рождались и умирали.

Въ усадьбѣ жили старикъ со старухою, ровно, молчаливо. Молились Богу, зимой сидѣли у печки, лѣтомъ на крыльцѣ; вмѣстѣ сторожили Ляльку.

Былъ сентябрь. Осыпались березы золотымъ дождемъ, слетали медленно багряные кленовые листья. Только крѣпкій дубъ еще держался зеленымъ. Въ цвѣтникѣ на заброшенныхъ разросшихся кустахъ увядали позднія розы, по всему саду про-

тянулась тонкая серебристая паутина и, порой обрываясь подъ вѣткомъ, летѣла медленно, плавно по куртинѣ.

По двору прошла Танька; за нею трое ребятишекъ, малъ мала меньше. Танька босая, въ домотканной рубахѣ, въ старой, линючей юбкѣ.

— Хрестная, а хрестная, — крикнула она съ усиліемъ, перекосившимъ почернѣвшее лицо, — хворостъ-то можно сбирать?

— Иди, иди, — отвѣчала Агафья и тихонько вздохнула:

— Бѣдная Танька...

Танька съ ребятишками собирала въ господскомъ саду хворостъ на бѣдность. Въ томъ самомъ старомъ саду, гдѣ юная, стройная Танька бѣгала взапуски съ солнечнымъ лучемъ, собирая фіалки.

Ванька пилъ ужъ много лѣтъ.

Жена что ни годъ приносила ребенка. За подарочекъ онъ ее въ пьяномъ видѣ избивалъ. И болѣла у Таньки грудь, болѣла спина, ныли опухшія ноги.

Черезъ все село тащилась она съ огромной вязкой хвороста на спинѣ, ребятишки вертѣлись подъ ногами:

— Маманька, купи пряникъ...

— Охъ, будьте вы прокляты, — вздыхала Танька, — копейки у меня нѣтъ.

И, сгибая спину, тяжело дыша, плелась хозяйка въ свой постылый домъ.

Все позабыла Танька — господскую усадьбу, и барышень, и голубое шелковое платье, забыла и сладкій поцѣлуй полдневный; ничего, ничего въ памяти не осталось.

Танькина жизнь — работа да побои.

Но въ тѣ ночи, когда выкатывается полная луна, глаза у Таньки загорались страннымъ огнемъ, и безстрашно она выходила изъ дому; тѣнью скользила вдоль огородовъ, мимо гуменъ, къ плотинѣ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ОГОНЬКИ"

Berlin W 50, Nürnberger Straße 65

Telefon: Steinplatz 91-43

Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

«Московскій Альманахъ».
А. М. Ремизовъ. «Въ полѣ блакитномъ» (второе изд.).
Гр. А. Н. Толстой. «Китайскія тѣни».
Гр. А. Н. Толстой. «Утоли моя печали».
Савватій. «Тетрадь въ сафьянѣ».
Илья Эренбургъ. «Опустошающая любовь».
Марина Цвѣтаева. «Стихи къ Блоку» (распродано).
Андрей Бѣлый. «Возвратъ».
М. Гершензонъ и Вяч. Ивановъ. «Переписка изъ двухъ угловъ».
Е. Лундбергъ. «Записки писателя».
М. Шкапская. «Барабанъ Строгаго Господина».
Борисъ Пильнякъ. «Метелинка».
Влад. Лидинъ. «Мышиные дни» (разсказы).
Саша Черный. «Живая Азбука».

Печатаются:

Викторъ Гофманъ. «Любовь къ далекой» (проза).
Викторъ Гофманъ. «Книга Вступленій. Искусъ». (поэзія).
Дж. Бэрри. «Бѣлая птичка» (романъ).
В. Ирецкій. «Старики».
К. Бальмонтъ. «Пронзенное облако» (поэзія).
К. Бальмонтъ. «Воздушный путь» (проза).
А. Дроздовъ. «Записки Маргариты».

Обложки работы А. Арнштама.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
RUSSISCHE BÜCHERZENTRALE „OBRASOWANIJE"
BERLIN W 50, NÜRNBERGER STRASSE 65
TELEFON: STEINPLATZ 91-43

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
RUSSISCHE BÜCHERZENTRALE „OBRASOWANIJE“ G. m. b. H.
Berlin W 50, Nürnberger Straße 65 / Telefon: Steinplatz 91-43

PRESERVATION REVIEW
04/05

3 0112 072372185